

А. Митяев
ГДЕ
ПРЯТАЛАСЬ
СКАЗКА

6 р. 90 к.

Ш. пер. 2 р. 40 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

А. Митяев

ГДЕ
ПРЯТАЛАСЬ
сказка

Издательство ЦК ВЛКСМ

„Молодая
Гвардия“

1960

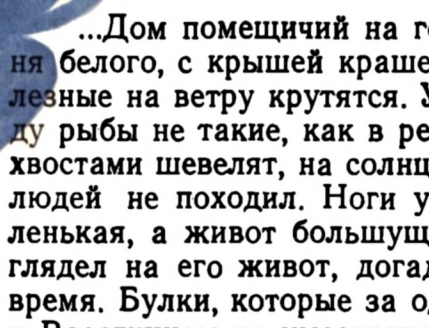
Оформление и рисунки
художника П. ОСТРОВСКОГО

Сказка о военной трубе

та сказка не как многие. То, о чем говорится в ней, было не в тридесатом царстве, а на нашей земле, и в ту пору, когда не то что царя Гороха, а вообще уже никакого царя не было, оставались только помощники его — буржуи и помещики.

Жил в деревеньке мальчик Васятка. Самая ли бедная была та деревенька — неизвестно. Только ветлы там росли горбатые, грозой побитые; крыши у изб соломенные, дырявые; оконца маленькие, кривенькие, от земли на вершок. Самый ли несчастный Васятка был — тоже неведомо. Может, и по-несчастнее его ребята где-нибудь росли. Только ходил он в кофте материной, штаны латанные веревочкой подпоясывал; на ногах онучи рваные и лаптишки истоптанные. Но это не самое горе. Сыт никогда Васятка не был. И это не самое горе. Слова ласкового Васятка ни от кого не слышал: был он сиротой круглым, батрачком у помещика.

...Дом помещичий на горе стоял. Большущий дом из камня белого, с крышей крашеной; на трубах печных петухи железные на ветру крутятся. У крыльца цветы заморские, в пруду рыбы не такие, как в речке: человека не боятся, розовыми хвостами шевелят, на солнце греются. Сам помещик на других людей не походил. Ноги у него были короткие, голова маленькая, а живот большущий, как бочка. И когда Васятка глядел на его живот, догадывался, почему сам голодает все время. Булки, которые за один раз в этом животе умещались, в Васяткином не уместились бы за сто обедов и ужинов.

Пас однажды Васятка овец помещичьих. Вечером пригнал их к хлеву. Смотрит, к барским коновязям лошадей сто, а то и все двести привязаны. Усадьба людей незнакомых полна: кто в шинель одет, кто в пиджак кожаный, на картузах у всех банты красные. Шашки точат, на гармони играют, а повар в большущем чугуне на колесах кашу варит.

Испугался Васятка, да только убежать не успел. Увидел его парень молодой, с чубом русым, голубыми глазами. Сапоги у парня с подковами, на боку сабля висит, на другом — вороненый маузер.

— Ты никак бежать собрался? — засмеялся парень. — Барин твой убежал — понятно, а тебе бежать не надо. Пойдем-ка солдатскую кашу попробовать...

С этой каши солдатской, а может, со смеха веселого началась у Васятки дружба с красным бойцом, трубачом эскадрона. Рассказал он Васятке, как рабочие царя прогнали, как сражаются теперь с помещиками и буржуями; учил Васятку играть на трубе разные сигналы.

Скоро сказка сказывается, а еще скорее отдых солдатский кончается. Поцеловал трубач Васятку на прощание и свою трубу ему отдал (себе-то он у командира другую взял).

— Если захочешь узнать, жив ли я, не скосила ли меня пуля вражья, потруби на зорьке. Мой ответ услышишь. Не услышишь — значит, не видаться нам больше. — Сказал так, вскочил на коня, сигнал подал звонкий...

Ускакал эскадрон врагов бить.

Каждый раз, как зорька занималась, бежал Васятка на поляну, от росы мокрую, приставлял трубу к губам и сигнал

подавал. Пела труба чистым голосом, друга звала издалека. И когда звуки ее улетали за речку, за поле, за лес и затихали там, слушал Васятка ответ друга. Но однажды не отозвался трубач эскадрона. Страшно стало Васятке. Подумал он, что трубач обронил где-нибудь свою трубу и не ответил потому. Только знал Васятка, не бывает так: видно, белогвардейская пуля настигла бойца. Сел мальчишка на землю и заплакал так, как никогда ни от какой обиды не плакал. А как плакать перестал, побежал в ту сторону, откуда раньше ответ слышал.

Много ли, мало ли пробежал, чувствует, ноги не слушаются — устали. Упал он и встать не в силах.

«Может, ранен друг? — думает Васятка. — Может, раны его перевязать некому? Ох, спешить надо, а не могу».

Горько стало ему от этих мыслей, поднес он к губам трубу — память друга — и затрубил. И вдруг почувствовал Васятка, как силы у него прибавилось, будто и не бежал он вовсе.

Вечер настал, за ним ночь звездная. Продолжал свой путь Васятка: как уставал, в трубу трубил — сил набирался и снова бежал.

На рассвете, когда солнышко из-за края земли показалось, увидел он бугор, истоптанный конями. Кружился над бугром ворон чер-

ный. Замерло сердце у Васятки. Перед ним в траве некоше-
ной лежал друг его: руки раскинуты, русый чуб из-под фу-
ражки выбился, а у виска кружочком маленьким кровь за-
пеклась.

Обнял Васятка мертвого друга, поцеловал его в холодный
лоб, потом встал и поглядел по сторонам. Дорого заплатили
враги за смерть бойца — десяток их был порубан острой
шашкой.

Солнце все выше и выше поднималось, светило на зеленые
поляны, синие далекие леса. Ветер летел над бугром, качал
былинки. Поднял Васятка трубу, приложил ее к губам и затру-
бил в небо: запела труба тревожно и призывно. Ворон взмах-
нул тяжелыми крыльями и сгинул. А звуки летели во все края
земли. Была в них тоска по товарищу, гордость за его храб-
рость, обещание отомстить врагу и великая вера в победу.

Много ли, мало ли трубил Васятка, только почудилось
ему, что дрогнули синие леса, плеснули волной озера и реки,
которые он с бугра видел. Кто-то шел через леса, озера и реч-
ки переплывал, торопился на зов эскадронной трубы. Скоро
заметно стало — идут к бугру со всех сторон мальчишки и
девчонки, кто побольше, кто поменьше, кто в лаптях, кто бо-
сиком, одежонка на всех старенькая, рваная, как на Васятке.

Опустил Васятка трубу, глазам своим не верит: не думал
он, что на земле столько ребят на него, похожих живет.

— Зачем нас труба военная позвала? — спросили они все
сразу, и словно гром пророкотал в синем небе.

Ничего не ответил Васятка, взглядом на вершину бугра
указал. И когда увидали ребята трубача убитого, то умолкли
все и минуту молча стояли. Представилась им земля родная и
фронты, окружившие ее с юга и севера, с востока и запада.
Там отцы их и старшие братья бились с врагом не на жизнь,
а на смерть. И поняли ребята:

— Это на подмогу отцам труба военная позвала нас...

— Согласны ли в бой идти? — спросил тогда Васятка.

— Согласны! — девчонка тоненькая крикнула. У девчон-
ки руки от стирки на барыню распухли.

— Согласны! — крикнул мальчишка с черными узень-
кими глазами, в тубетейке, на жаре полинявшей.

— Согласны! — отозвался мальчишка, в рубаху из старой шкуры оленьей одетый.

Затрубил Васятка сбор и удивился пуше, чем прежде. Смотрит, грудь каждого враз ленты патронные перехлестнули, а на головах у всех оказались фуражки с красными звездами. Не кончилось диво на этом. Все, кто был там, почувствовали, что сжимают крепко в одной руке маузер, в другой — наточенную шашку.

Потрубил Васятка еще — под каждым конь лихой появился: под кем вороной, под кем гнедой, под кем пегий... Кони на месте не стоят, копытами о землю бьют. Ветер откуда-то налетел, в длинных гривах заиграл. Ярче молний вспыхнули поднятые сабли; даже солнце потемнело в их голубом сиянии.

...Грозно пела военная труба, дороги под копытами коней гудели, настигали молодые конники отряд врага. И настигли.

Злой был враг, сильный.

Много мальчишек и девочек в том бою полегло. Только не долго сопротивлялись беляки: порубали их ребята шашками, не успели порубать лишь тех, кто со страху помер.

На вечерней заре, когда бой кончился и роса на траву легла, снова затрубил Васятка. Далеко кругом — на всех фронтах — слышали красные бойцы и командиры голос трубы, радовались первой победе детей своих, а потом снимали шапки и говорили:

— Вечная слава и вечная память маленьким храбрецам, в бою погибшим!..

А впереди молодую армию ждали новые сражения: очень много в то время врагов на нашей земле было.

Было.

Не стало.

* * *

Идет ли пионерский отряд по улице, просыпается ли лагерь на опушке леса — поют трубы. Звуки чистые, спокойные поднимаются серебряными птицами в небо и летят над синими лесами, над желтыми хлебами, над большими городами, над маленькими деревнями.

Поят трубы о мирной жизни, зовут ребят к труду, к большим делам пионерским. А сколько их, этих труб? Может, сто тысяч, а может, больше. Называются они горнами. Один из горнов — та труба эскадронная, в которую Васятка трубил. Но у кого она, в каком отряде — неизвестно. Известно только, что сила волшебной трубы военной всем горнам передалась. И если земля родная в опасности окажется, каждый горн будет трубить тревожно, звать и вести мальчишек и девчонок отцам на подмогу.

Гордый кораблик

ил-был мальчишка, очень похожий на тебя. Может, только озорничал он поменьше. Да вот в чем еще разница могла быть: если ты мечтаешь стать летчиком, то мальчишка мечтал плавать на корабле. Он любил море, хотя и не видел его ни разу, любил матросов, корабли и больше всего крейсер «Аврору».

Однажды этот мальчишка забрался на старый чердак, всунул в ручку двери палку, чтобы мелюзга к нему со двора не влезла, и начал что-то пилить и строгать. Когда спустился он с чердака, то позвал с собой всех любопытных и пошел к ручью. В руках у него был кораблик. Пятеро матросов, вырезанных из бересты, стояли на его палубе как настоящие, широко расставив ноги; на борту химическим карандашом было написано: «Аврора». И всем, кто умел читать,

представился кораблик не дощечкой с мачтой, а легендарным балтийским крейсером, которого так боятся капиталисты.

У ручья засучил мальчишка штаны, вошел в воду и пустил кораблик плыть. Поплыла «Аврора», а мальчишка и все, кто был с ним, пошли по берегу.

Мелькали под корабликом стаи пескарей, кружились над ним стрекозы, а ручей нес его на своих крошечных волнах все дальше, все быстрее. Поселка, где жил мальчишка, уже не было видно, маленькие ребята давно домой вернулись — все плыла «Аврора». И мальчишка бежал по берегу.

Наконец пришло время ему возвращаться: берега ручья стали топкими, наступишь — нога чуть не вся в черную жижу уходит; кое-где камыш из болота торчит, шуршит на ветру, о чем-то шепчется; вдали лес синий; белые облака стоят над ним недвижно, словно разглядывают, что в его чаще делается. Помахал мальчишка своему кораблику на прощанье рукой. Приказ матросам крикнул: «Нигде и никогда не сдаваться!» — и домой пошел. Дома мальчишке от родителей попало, чтобы в другой раз не уходил далеко.

Но на этом сказка не кончается. Начинается только.

Ночь настала — плыла «Аврора». Огибала камни, обросшие водорослями, под упавшими деревьями проскальзывала. Шумел по обоим берегам ручья лес. Изредка филин страшным голосом кричал с дерева, волки в чаще выли, но пятеро матросов ничего не боялись и стояли на палубе твердо, широко расставив ноги. На рассвете ручей влился в лесное озеро. Половина дня понадобилась, чтобы пересечь его. А как пересек кораблик озеро, подхватила его речка, вытекавшая оттуда. Еще неделю плыл кораблик по речке до большой реки и еще месяц по большой реке до моря.

От воды потемнел кораблик, а береста, из которой матро-

сы были вырезаны, стала коричневой. Казалось, что моряки на ветру да на солнце загорели. И когда проплывали они вдоль набережных городов, под мостами, мимо пристаней, люди, видевшие их, улыбались и кричали: «Счастливого плавания!»

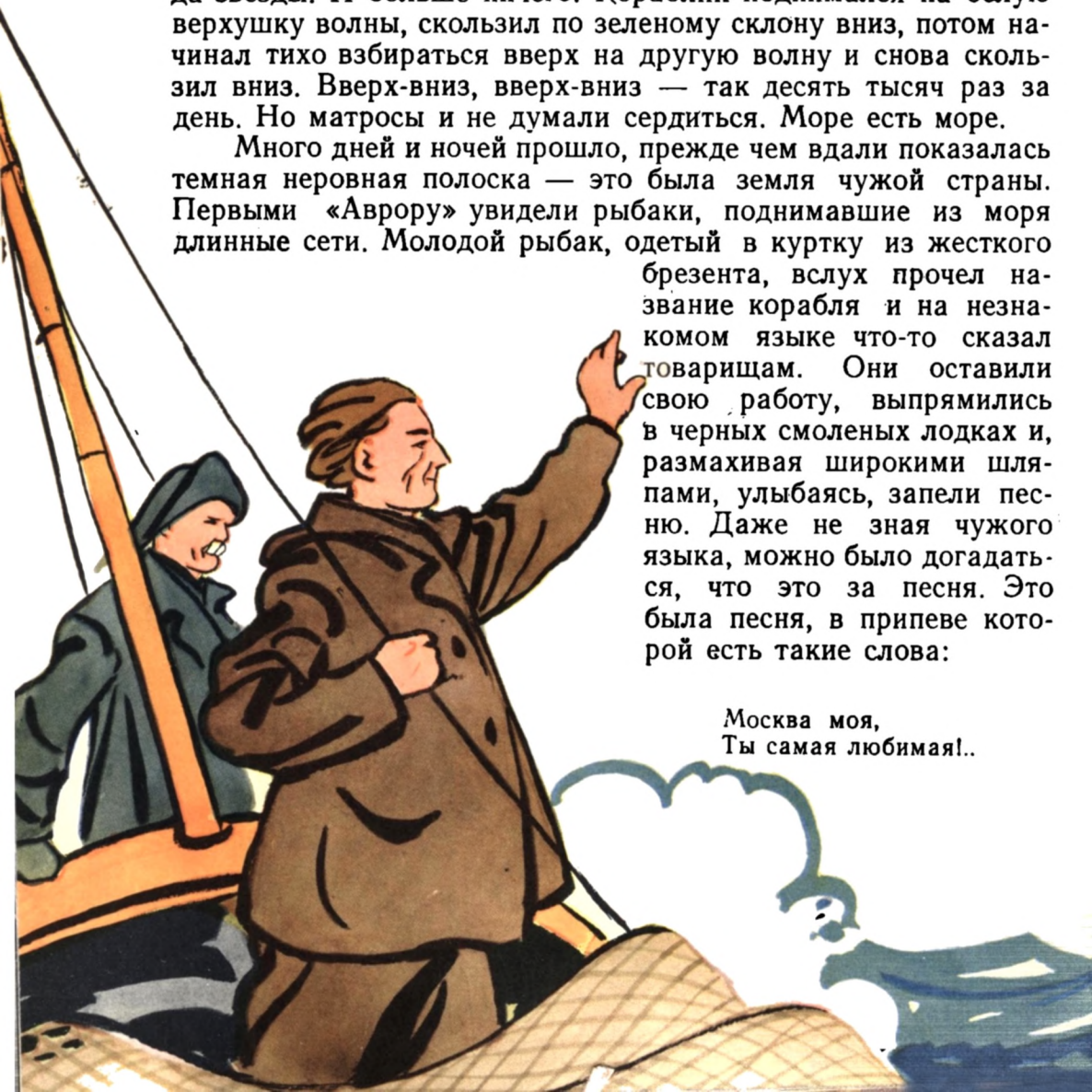
Пятеро матросов ничего не отвечали им — они выполняли свою корабельную службу и думали о расставании с родными берегами, о том, как встретят их жители неведомых земель...

...До чего же велико море! Днем матросы «Авроры» видели только солнце, облака да волны, ночью — волны, облака да звезды. И больше ничего. Кораблик поднимался на белую верхушку волны, скользил по зеленому склону вниз, потом начинал тихо взбираться вверх на другую волну и снова скользил вниз. Вверх-вниз, вверх-вниз — так десять тысяч раз за день. Но матросы и не думали сердиться. Море есть море.

Много дней и ночей прошло, прежде чем вдали показалась темная неровная полоска — это была земля чужой страны. Первыми «Аврору» увидели рыбаки, поднимавшие из моря длинные сети. Молодой рыбак, одетый в куртку из жесткого

брезента, вслух прочел название корабля и на незнакомом языке что-то сказал товарищам. Они оставили свою работу, выпрямились в черных смоленых лодках и, размахивая широкими шляпами, улыбаясь, запели песню. Даже не зная чужого языка, можно было догадаться, что это за песня. Это была песня, в припеве которой есть такие слова:

Москва моя,
Ты самая любимая!..

Что и говорить, услышать человеческие голоса после стольких дней плавания в суровом, беспокойном море было очень приятно. И в тысячу раз приятней было чувствовать, что о твоей стране знают, поют о ней. Матросам захотелось даже сплясать «Яблочко». Но они не стали делать этого. Ведь они стояли на бессменной вахте.

Соленые ветры не переставали дуть вдоль берега. «Аврора» то удалялась, то приближалась к нему.

И каждый раз люди, видя ее, запевали песню, в которой называли Москву самой любимой. Бывало, на берегу собирались целые толпы. Тогда песня заглушала грохот волн и провожала «Аврору» до самого горизонта. Пятеро матросов, уплывая, видели, как удаляются от них улыбающиеся мужчины, женщины, дети, взлетающие в воздух шляпы, колышущиеся косынки, похожие на птиц моря — чаек.

Однажды ветер пригнал кораблик к скалистому островку, а волны вынесли его на камни. На этом, возможно, и окончилось бы плавание, если бы на острове не стоял маяк да не было бы сторожа, а к сторожу не приехала бы в гости внучка. Маленькая девочка, собирая раковины, увидела кораблик и печальных матросов. Она сразу поняла, что у мореплавателей неприятность, и побежала за дедушкой.

Старый сторож сам в молодости плавал по морям. Он и теперь носил под теплой вязаной курткой полосатую тельняшку и курил глиняную матросскую трубку. Он взял в свои неразгибающиеся пальцы кораблик и несколько раз прочел его название. Потом, хотя дедушка был хромым — его ранили во время войны фашисты, — стал приплясывать на месте.

— Здравствуйте, славные моряки! — говорил он, глядя на команду «Авроры». — Очень хорошо, что завернули ко мне на маяк. Для нас с внучкой этот день будет праздником... Ты знаешь, внучка, откуда пожаловали гости? Из Советского Союза. Там такие старики, как я, не работают на сырых маяках. И у них очень много времени, чтобы играть с внучатами.

— Давай оставим матросов у нас. На всю жизнь, — предложила девочка, — они мне очень понравились.

— Нет, — ответил старый моряк, — они не могут принадлежать нам двоим. «Аврору» ждут все бедные люди на берегах всех морей, всех рек, всех озер и всех океанов. Пусть плывут они дальше. Вспомни: когда на маяк прилетает первая ласточка, мы начинаем ждать теплых дней. И они непременно приходят. Ласточка — вестница тепла. А этот кораблик — вестник счастливой жизни, которая непременно придет ко всем людям... Теперь я поставлю его на солнышко, чтобы он просох получше, и матросы пусть погрелятся, а ты, внучка, принеси химический карандаш: надо подновить название кораблика.

Когда корабль просох, старик осторожно спустил его на воду. Шумная волна подхватила «Аврору» и понесла в море. Сторож маяка посадил на плечо девочку. Так стояли они, пока кораблик не скрылся. Девочка махала рукой, а старик пел:

Москва моя,
Ты самая любимая...

Пятеро матросов на «Авроре» чувствовали себя превосходно. Соленые брызги скатывались с них, крепчавший ветер весело гудел в мачте. И не знали матросы, с жителями каких стран предстояло еще им встретиться. Не знали они также и того, что в это время около маяка вынырнула подводная лодка. С нее сошел на остров человек, на морской фуражке которого там, где у наших моряков звездочка и якорь, была укреплена золотая змея, вставшая на хвост.

— Эй, ты! Хромая треска! — крикнул сторожу человек со змеей на фуражке. — Не проплывал ли здесь игрушечный корабль «Аврора»? Если ты поможешь нам найти его и уничтожить, капиталисты дадут тебе много денег, и ты сможешь жить в теплом доме. Если же ты скроешь что-нибудь, тебе придется доживать жизнь в тюрьме.

— Здесь не проплывал такой корабль, — ответил сторож твердо. — Ты, внучка, тоже не видела?

— Нет, такого корабля я не видела, — сказала девочка.

Она тут же стала играть в раковины, боясь, как бы человек со змеей на фуражке не увидел ее волнения.

Когда лодка, похожая на громадную серую акулу, ушла под воду, старик погладил девочку по белым волосикам и сказал ей, что она хоть и маленькая, но очень хорошая внучка. Он набил свою глиняную трубку табаком, сел на камень и о чем-то задумался.

Пятеро матросов на «Авроре» одновременно слышали гул. Он становился с каждой минутой громче и ближе. Это не был гул воды и ветра. За свое долгое плавание матросы очень хорошо узнали все звуки моря — и когда оно спокойно, и когда бушует. Это гудели самолеты. Их было так много, что они закрыли собой солнце, черная тень легла на море. Самолеты, на крыльях которых были укреплены золотые изогнутые змеи, разыскивали кораблик с гордым именем «Аврора».

В это же время с двух сторон в море появились корабли. Над каждым из них вился флаг с золотой змеей. Как две серые стены, сближаясь, надвигались они на маленький кораблик.

Нет, не испугались пятеро матросов, они помнили приказ мальчишки, который вырезал их из бересты в поселке у крохотного ручья: «Нигде и никогда не сдаваться!» Они стояли на палубе, широко расставив ноги, как всегда, твердо.

Летчики со змеями на шлемах заметили их. Черные бомбы с воем упали из самолетов и понеслись на кораблик. Ударили с двух сторон орудия кораблей — засвистели снаряды. Потом на мгновение все стихло. Было слышно даже, как поет ветер в крохотной мачте «Авроры». И тут по всему морю поднялись вдруг огромные водяные столбы.

Кораблик, подхваченный водяным смерчем, взлетел высоко в воздух, потом нырнул в бушующую глубину, но скоро вынырнул. Вся его команда — пятеро матросов — стояла, как всегда, на местах и отважно глядела вперед. А из самолетов падали бомбы, с кораблей летели снаряды. И белые водяные столбы появлялись над свинцовой поверхностью моря и рушились с грохотом. Однако кораблик оставался невредимым.

Тогда летчики в шлемах со змеями повернули свои самолеты и полетели сказать капиталистам о том, что ни уничтожить, ни остановить «Аврору» невозможно. «Аврора», взлетая с одной волны на другую, плыла невредимая между кораблей, на флагах которых извивались золотые змеи. Черные стволы пушек поворачивались вслед кораблику. Но кого это могло испугать? Пятеро матросов, широко расставив ноги, как всегда, твердо стояли на палубе. Море обдавало их солеными брызгами. Ветер весело гудел в мачте и понемногу разгонял дым окончившегося сражения.

Наконец стало видно солнце. Ослепительным шаром опускалось оно к горизонту, где вечернее небо соединялось с водой. От солнца до самой «Авроры» по волнам тянулась сверкающая дорога. «Аврора» плыла по этой дороге. Ее ждали люди в других странах.

Майские шарики

тром в первый день мая отец сказал своей дочке, октябренку Лене: — Одевайся поскорее, умывайся, поешь получше: сегодня ты будешь много путешествовать. Хорошо, если вернешься домой к обеду.

Отец думал пройти с дочкой по московским улицам, по Красной площади. Он и не представлял, что Лене придется совершить самое настоящее путешествие, да еще вокруг света, да еще с приключениями.

Лена никогда не видела на улицах столько народу, как в праздник Первого мая. «Верно, в домах не осталось никого, — решила она, когда вышла из подъезда. — Все на улице потому, что теплое солнышко, пахнет цветами и очень весело играет музыка».

Девочка и ее отец были недалеко от Красной площади, когда колонна, в которой они шли, остановилась. На площадь раньше всту-

пила колонна с соседней улицы, и поэтому надо было немного подождать. Все стали ждать. Все, кроме мальчишек, которые несли связки майских шариков. Эти шарики они должны были выпустить перед Мавзолеем. Видно, мальчишкам не терпелось отпустить красные, синие, зеленые шары в голубое небо. От нетерпения они не могли стоять на месте.

— Пойдемте, что ли, мороженое купим, — сказал один из них.

— Пойдем! — согласились его товарищи. — Время быстрее пройдет. Только куда шары деть — через такую толпу с ними до мороженщицы не доберешься.

— А вот куда! — ответил первый и привязал шарики к хлястику Ленинского пальто.

И все остальные сделали то же самое. Отец Лены не успел оглянуться, как вдруг шарики полетели в небо и... подняли с собой девочку.

Вначале Лена очень испугалась, но когда увидела под собой Красную площадь, по-настоящему красную от знамен и флагов, страх тут же без следа прошел. Будто бы реки с тысячами алых парусов стекались на площадь. На площади они разливались морем, которое шумело, как в час прибоя. Но не реки это текли, а шли демонстранты со знаменами. И не прибой шумел, а люди кричали «ура» своей счастливой жизни. Такую картину могли наблюдать только летчики, которые участвовали в воздушном параде. Да и они все это видели не так хорошо, как октябренок Лена: ведь их самолеты летели очень быстро, быстрее звука.

А шарики поднимались все выше и выше. Поднималась с ними и девочка. Вот промелькнула рубиновая звезда Спасской башни и осталась далеко внизу. «Где же теперь папа? — подумала Лена. — Нет, с такой высоты его не разглядишь!»

Папа в это время тоже думал о девочке. Он сильно волновался. А когда люди сильно взволнованы и не знают, что делать, они обращаются за помощью к ближайшему милиционеру. Так сделал и отец Лены. Милиционер выслушал его и сказал:

— Не волнуйтесь, гражданин. Все будет в порядке. Майские шарики никому никогда не делали плохого. Идите домой

и ждите дочку. Советую приготовить ей чай с малиновым вареньем. Там, — он поглядел на небо, — чуточку прохладнее, чем на земле.

В небе действительно было свежо. Солнышко еще не успело как следует нагреть воздух. И Лена поглубже натянула берет, застегнула около горла пуговицу пальто: это надо было сделать и на случай, если другие пуговицы вдруг оторвались бы. Помните, шарики-то были привязаны за хлястик!

Москва скрылась из глаз. Высотные дома будто бы растаяли в розовом воздухе. Но вниз смотреть было все равно интересно. Лене показалось вдруг, что она попала в необыкновенную страну, где, как у лилипутов, все маленькое: лес был похож на стриженую травку, дома — на спичечные коробки, а цистерны, которые тащил паровоз, напоминали множество наперстков, разложенных в ряд. Но девочка поняла скоро: маленьким все стало казаться потому, что уж очень высоко подняли ее воздушные шарики.

Солнце грело теперь, как летом. Лена сняла берет и держала его в руке; жалко, нельзя было снять пальто. Если бы она сняла его, то оно улетело бы еще выше, а сама она упала на землю. Но ничего... Ветер освежал ее, иногда он дул даже излишне сильно. Только стоило ли обращать на это внимание? Земля была так красива, так широка! Она нигде не кончалась: ни впереди, ни позади, ни по краям. Только чем дальше, тем голубее становилась. А главное, везде на ней росли красные цветы. «Не знала я, что у всех людей одинаковый вкус, — подумала девочка, — все посадили у себя красные маки». Но тут Лена вспомнила Красную площадь, всю красную от знамен, и улыбнулась — это везде, на всей земле люди встречали Первое мая!

Ей стало вдруг так хорошо, так весело, как никогда еще не было, и она запела песенку. Слова ее сочинялись сами собой:

Начиная от Кремля,
В красных флагах вся земля.
Красный, красный шар земной
Проплывает подо мной.
Люди любят красный цвет:
Лучше цвета в мире нет!

Лена так увлеклась пением, что не сразу заметила реявший впереди красный квадрат. Он то опускался, то чуть поднимался снова. Ветёр развевал алую ленту, привязанную к нему. Это был змей. Девочка посмотрела вниз и увидела ребят, собравшихся на вершине высокого холма. Красный змей был их праздничным флагом. Ребята тоже увидели Лену. Они закричали что-то на непонятном языке, замахали руками, приглашая воздушную путешественницу к себе. «Значит, я уже перелетела границу своей страны, если не понимаю, что они кричат», — подумала Лена. Ей захотелось спуститься к ребятам, подружиться с ними. Все они, как и советские пионеры, были в красных галстуках.

Змей теперь был совсем рядом с Леной. Она ухватила за него, и ребята на холме стали тянуть к себе нитку, на которой змей летал. Все ниже и ниже опускалась девочка. Пионеры уже протянули руки, чтобы подхватить ее, но тонкая нитка — какая жалость! — лопнула вдруг. Шарики на глазах растерянных и огорченных ребят понесли Лену вверх.

— До свидания! — крикнула им Лена. — Мы когда-нибудь встретимся!..

Много лесов и лугов, речек и дорог, городов и сел осталось позади. Земля внизу исчезла. Там теперь было одно синее. Оно сверкало на солнце. Это был океан. А есть ли в океане красные флаги? Конечно, есть! Они колыхались на мачтах кораблей, которые плыли по волнам. Они развевались

на всех островах и маяках. Красное на синем было ничуть не хуже красного на зеленом.

Как ни велик океан, но шарики вместе с девочкой перелетели и через него. Вдали показался берег. Там серые волны набегали на скалы. Холодная туча надвинулась оттуда и остановилась прямо над Леной. Солнышка больше не было видно. Девочка надела берет на самые уши, руки спрятала в рукава пальто.

«Что-то будет, — подумала Лена. — Как неуютно на этой земле!...»

Она и не видела, как съежились от холода шарики. Летели они в это время низко над фабриками какого-то города. Ряды черных корпусов стояли близко друг к другу. Пространство между ними казалось тесным ущельем в мрачных горах. Но что это? Будто бы пламя вспыхнуло в сыром сумраке — взвился внизу красный флаг. И тогда Лена разглядела людей, которые несли его. Люди не пели песен, они шли молча. На встречу им двигались полицейские, за ними медленно катились автомобили с решетками.

Демонстрантов и полицейских закрыло от Лены черным дымом фабричной трубы. Она ничего не видела больше, но слышала, как с треском один за другим лопались над ней воздушные шарики, — в них попадали искры. Шары, оставшиеся целыми, не могли уже держать девочку, и Лена тихо опустилась за домами.

Она не успела оглядеться, как откуда-то выскочил мальчишка, чиркнул ножиком по веревочкам, удерживавшим шары, и убежал. А через несколько секунд появился полицейский. Замахнувшись на Лену дубинкой, он показал на улетевшие шары и закричал:

— Где девчонка, прилетевшая на них? Отвечай!

Лена еще не изучала в школе языка, на котором говорили в этой стране. Она не поняла, что спрашивал полицейский, и удивленно разглядывала его — до этого она видела полицейских только на картинках.

«Был бы со мной папа, — подумала девочка, — он бы показал этому жирному, как на меня замахиваться!»

Полицейский еще раз крикнул: «Отвечай!» — и, не дождавшись ответа, побежал дальше. Как только он скрылся за домом, появился уже знакомый Лене мальчишка. С ним прибежали еще четверо ребят. На всех были брезентовые фартуки, в руках, испачканных гуталином, они держали ящички. Мальчишки уселись на своих ящичках вокруг Лены и стали рассматривать ее.

— Полиция ищет белую девочку из Советского Союза, — сказал один из них, — а эта — негритянка...

— Но я же сам видел, как она опустилась сюда, — возразил первый, — вот и веревочки на хлястике болтаются. Если бы я опоздал их отрезать, она была бы уже в полиции.

— Э, тут вот в чем дело! — воскликнул третий. — Она вся в саже! Она закопτιлась в дыму фабричной трубы...

Мальчик убежал и скоро вернулся с ведром воды, мылом и полотенцем.

Лена не поняла разговора, но почувствовала, что попала к хорошим друзьям. Ей самой стало весело, когда ребята, глядя, как смывается с ее лица сажа, стали хохотать. Насмеявшись вдоволь, они достали из карманов несколько монет, сложили их в кепку, и четверо с этой кепкой ушли. А пятый вынул из ящичка коробку с гуталином, щетки и начал чистить Лене башмаки. Эти ребята были маленькими чистильщиками обуви. Когда вернулись мальчишки, в башмаки можно было глядеться — так они сверкали! И вот радость! Каждый мальчишка нес по связке воздушных шариков. Чистильщики по очереди пожали девочке руку, привязали шары к хлястику. Майские шарики другой страны резво понеслись в небо.

Как хорошо, что Лена снова была в воздухе. Она едва успела крикнуть вниз: «Спасибо! Прощайте!», — как около чистильщиков появился толстый полицейский. Он ругался, топал ногами. Он понял: девочка, которую посчитал негритяжкой, была русская, ее приказано было арестовать! Полицейский бросился на улицу, добежал до продавца воздушных шариков, вырвал их у него из рук и привязал к хлястику своего мундира. Но майские шарики поднимают в воздух только октябрят! Полицейского они подняли чуть выше окон первого этажа. С этой высоты полицейский шлепнулся на мостовую и так и остался сидеть на ней.

Лена больше не смотрела на него. Она следила за своими друзьями.

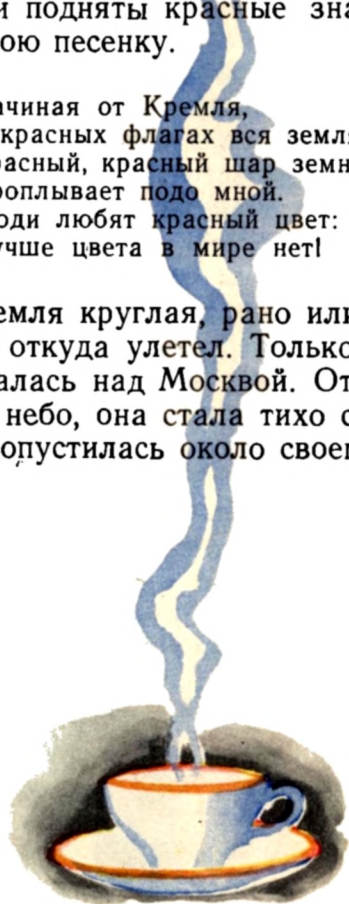

Пятеро мальчишек постепенно превратились в пять точек. На их месте расцвел вдруг красный цветок: маленькие чистильщики мрачного и холодного города, полного полицейских, подняли свой красный флаг. Девочка оглядела с высоты удаляющийся город: повсюду в нем было красное. Значит, рабочие победили полицию.

И город и серая, холодная туча остались далеко позади. Солнце снова светило ярко и грело. Ниточки, соединявшие шарики с хлястиком, были туго натянуты, ветер проводил по ним своим невидимым смычком. В окружении светлых, торжественных звуков октябренок Лена летела вокруг земли, на которой всюду были подняты красные знамена. Под музыку ветра она запела свою песенку.

Начиная от Кремля,
В красных флагах вся земля.
Красный, красный шар земной
Проплывает подо мной.
Люди любят красный цвет:
Лучше цвета в мире нет!

...Оттого, что земля круглая, рано или поздно обязательно окажешься там, откуда улетел. Только с другой стороны. И Лена снова оказалась над Москвой. Отрывая по одному и отпуская шарики в небо, она стала тихо снижаться и — надо так получиться! — опустилась около своего дома.

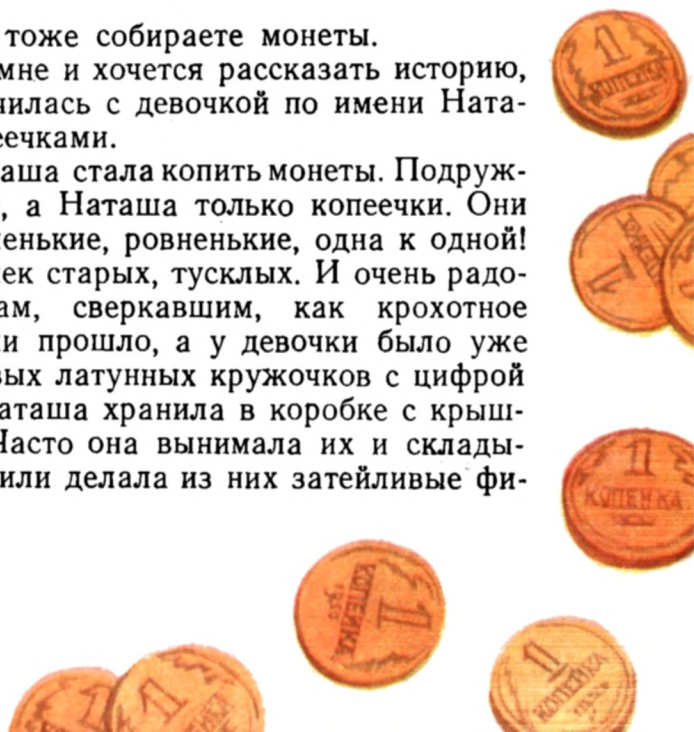

Триста копеечек

ероятно, вы тоже собираете монеты.

Вам-то мне и хочется рассказать историю, которая случилась с девочкой по имени Наташа и ее копеечками.

Глядя на подружек, Наташа стала копить монеты. Подружки собирали монеты всякие, а Наташа только копеечки. Они ей больше нравились — маленькие, ровненькие, одна к одной! Отказывалась она от копеечек старых, тусклых. И очень радовалась новеньким монеткам, сверкавшим, как крохотное солнце. Очень мало времени прошло, а у девочки было уже триста совершенно одинаковых латунных кружочков с цифрой один посередине. Монетки Наташа хранила в коробке с крышкой, на ватной подстилке. Часто она вынимала их и складывала высокими столбиками или делала из них затейливые фигуры, как из мозаики.

Однажды о том, что Наташа собирает монеты, узнал сосед — капитан дальнего плавания — и подарил ей две денежки из двух разных стран. Девочке они не понравились: они были больше копеечек и совсем другого цвета. Но не полагается возвращать подарок! К тому же капитан уплыл на своем корабле в далекие страны. Так и остались эти монеты у Наташи.

Теперь, вынимая копеечки, приходилось глядеть и на не красивые денежки. Ах, как это было неприятно! У Наташи даже настроение портилось. И хотя она была девочка сдержанная, как-то сердито бросила одну монетку на стол.

Монетка покатилась по столу, описала круг и завертелась, будто по ней щелкнули пальцем. В этом ничего удивительного не было, но кружившаяся монетка вдруг засветилась. Она скоро исчезла в голубом свете, и на ее месте образовался диск размером с велосипедное колесо. Наташа во все глаза смотрела на это чудесное превращение. Она хотела пальцем потрогать мерцающий диск, но побоялась.

В глубине диска возникла высокая пальма с узкими и длинными листьями. Под пальмой сидел, сложив ноги калачиком, черный мальчуган. На голове его пышно вились волосы, так пышно, что ему могла бы позавидовать каждая девочка. Но как худ был этот мальчик! Если кто-нибудь решил бы посчитать все его косточки, он сделал бы это без всякого труда. Верно, поэтому глаза черного мальчика смотрели печально на уходящую вдаль улицу. По улице ехали автомобили. В них сидели веселые толстые люди. Другие люди, глядя на которых тоже нельзя было сказать, что они отказывают себе в еде, везли на осликах корзины, полные сладких пряников, яблок, винограда... В конце улицы на широкой площади толпилось много народу — там был рынок. Все это увидела Наташа в голубом диске, получившемся из монеты. Она была очень удивлена и от удивления ни о чем не думала, а только смотрела и смотрела...

Около мальчика появился человек с большим чемоданом. Человек искал носильщика. Мальчик понял это. Он вскочил и подставил спину под ношу. Наташе не было видно глаз

мальчика. И она не могла решить, пот или слезы крупными каплями падали на горячий асфальт с его лица. Шатаясь от усталости, донес он чемодан до автомобиля. Человек вынул из кармана кошелек и дал носильщику монету. Наташа сразу узнала ее — это была та монета, что подарил ей капитан дальнего плавания, что кружилась на столе, превратившись в светлый диск! Мальчик улыбнулся, отер ладонями пот со лба и, зажав крепко в кулак монету, побрел к рынку.

Все самые яркие краски были на этом рынке: куски материи, лежавшей на прилавках, напоминали летнюю радугу; все самые вкусные запахи тоже были здесь — они поднимались в небо от жаровен с картофелем и мясом, от каленых орехов, дынь и других кушаний. Черный мальчик хотел есть. Теперь Наташа поняла это. Он шел медленно мимо торговцев едой и никак не решался сделать выбор. Наконец он протянул монету тому, кто продавал кусочки жирного и сладкого запеченного теста. Но тут мальчика окликнул торговец апельсинами. Нужно было отнести корзину, полную крупных оранжевых плодов, на другой край рынка.

Мальчик снова подставил под ношу плечи и пошел. Следом за ним, не торопясь, двигался хозяин. Мальчик донес апельсины до места и стал опускать корзину. У него не хватило сил сделать это аккуратно, корзина наклонилась, апельсины, как мячики, посыпались из нее. Полы цветного халата торговца взлетели вверх, одной рукой он схватил мальчика за волосы, а другой стал подбирать плоды. Глаза мальчика были полны страха. А когда торговец отнял у мальчика монетку, по худым щекам покатились крупные слезы...

Диск стал уменьшаться. Он превратился сначала в кружочек, а потом в монету, которая кружилась на столе. Наконец монета упала, и Наташа взяла ее в руки. «Вот ты, оказывается, какая, ты умеешь показывать истории, которые видела сама!» — подумала девочка и впервые почувствовала уважение к ней, хотя она и не была похожа на новенькие копеечки.

«А что покажешь ты?» — сказала Наташа второй монетке и пустила ее кружиться на столе.

Снова возник светлый кружочек, снова он превратился в диск, и снова внутри диска Наташа увидела мальчика. У этого волосы были не черные, а белые, как лен. Их прикрывала ярко-красная феска с пушистой кистью на конце. Мальчик был в коротких, чуть повыше колен, штанах, в белой рубашке и жилетке из темного дорогого сукна. Он сидел на скамейке около дорожки, посыпанной желтым песком, и скучал. Это понял бы каждый по выражению его лица, по тому, как он носком башмака ковырял песок и вертел в руках монетку — ту самую, что кружилась сейчас на столе, превратившись в мерцающий диск!

Издали, оттуда, где за стволами елей и берез виднелся двухэтажный дом с коричневой черепичной крышей, шла девочка — худенькая, в стареньком платье, в стоптанных туфельках. «Какая странная прическа у нее!» — подумала Наташа. А прическа напоминала маленький беленький хвостик: не очень длинные волосы у самой макушки были туго перевязаны ленточкой.

Дождавшись девочку, мальчик положил на скамейку монету и расчертил на дорожке классы. Началась игра, но не очень веселая. Мальчик в феске ошибался, наступал на черту и каждый раз считал себя победителем. А девочка, хотя она прыгала гораздо лучше, каждый раз считалась проигравшей.

Мальчику такая игра самому перестала нравиться. Дети начали играть в салки — они бегали по дорожке, прятались за деревьями и, наконец, гоняясь друг за другом, скрылись в лесу. В это время над скамейкой пролетала сорока — птица, которая любит блестящие предметы. Она увидела монету, схватила ее и унесла в клюве.

Девочка первой прибежала из лесу. Она села на скамейку, еле переводя дыхание, готовая при появлении мальчика снова пуститься бежать. Она так и сделала, как только красная феска мелькнула в кустах. Но мальчик не бросился догонять ее. Он посмотрел туда, где оставил монету, и, не увидев ее, заревел. «Воровка! Воровка! — кричал он на девочку, размазывая по лицу слезы. — Тебя наняли играть со мной, а ты украли мои деньги-и-и!»

Мерцающий диск стал уменьшаться, вот-вот он должен был стать кружочком.

— Постой! — закричала Наташа. — Не оставляйся, монетка! Неужели девочка так и останется виноватой? Я обязательно хочу знать это! И потом, как же ты снова попала к людям, ведь тебя унесла сорока?

Диск опять засветился. В нем появилась девочка, одетая в старенькое платье. Печально смотрели ее большие глаза. «Нет, не смогла она доказать, что не брала монету!» — догадалась Наташа.

Изображение девочки постепенно начало исчезать. В глубине диска появилась лесная чаща. Из гнезда с высокого дерева взлетела сорока и с криками начала кружиться над кустами. Она увидела идущего лесоруба. Увидела его и Наташа. Лесоруб стал рубить топором дерево. После каждого удара сверху падали сухие прутья — из них было сделано сорочье гнездо. Упала скоро и монета, которая хранилась в птичьем доме. Лесоруб поднял монету, посмотрел вверх, удивленно покачал головой и снова принялся за свою работу.

...Тихо сидела Наташа. Ее сердце стучало сильно-сильно то ли оттого, что очень жалко было черного мальчика и девочку в стареньком платье, то ли оттого, что узнала она об уменьшении монет рассказывать. «А ведь у меня есть еще триста копеечек, — подумала она. — Пусть каждая из них покажет мне какую-нибудь историю». Одна за другой кружились на столе копеечки. Они превращались в светлые кружочки, потом в сияющие диски, но каждая показывала одно и то же: грузовик и металлические ящики в нем. Как это было неинтересно! Как скучно! Долго не могла Наташа понять, почему так происходит. Но потом поняла: ведь ее новенькие копеечки ничего не успели увидеть. И поэтому им нечего было показывать, разве только грузовик и ящики, в которых они ехали с монетной фабрики в банк!

Чтобы проверить догадку, Наташа достала из маминого кошелька стертый пятак и пустила кружиться его. В светлом, чуть мерцающем диске сразу же возникли очертания зна-

комых Наташе зданий. Мимо серых гранитных колонн Большого театра к станции метро «Охотный ряд» шли девочки — четыре узбечки и две русские. Они вошли в метро и остановились у касс-автоматов, чтобы купить билеты. «Узбечки приехали посмотреть Москву», — догадалась Наташа. Сколько раз она сама показывала свой город гостям из других республик! Наташа улыбнулась. Добрые улыбки были и на лицах пассажиров метро, которые покупали билеты рядом с девочками, одетыми в шелковые халаты, в шаровары из тонкой материи и тюбетейки, расшитые яркими узорами. Самая маленькая узбечка со множеством тонких косичек, сияя черными глазами, встав на цыпочки, опускала монеты в автомат. Вот она опустила в узенькую щелку пятак — тот самый, что кружился теперь на столе, — автомат щелкнул и выбросил в окошечко билет...

Диск между тем потемнел и стал уменьшаться. Вот уж пятак перестал кружиться и упал на стол. Наташа взяла его и вместе с монетами, подаренными капитаном дальнего плавания, положила в коробку. Потом надела пальто, опустила в карман все триста новеньких, сияющих копеечек и вышла на улицу. В киоске она купила на эти деньги книжку и стала издали наблюдать за продавщицей. Разные люди покупали в киоске книги, газеты, открытки, марки. Многие получали сдачу и Наташины копеечки. Наташа радовалась этому: маленькие монетки уходили в большое путешествие по жизни, чтобы когда-нибудь кому-нибудь рассказать о виденном.

Старая гильза

таршие сестры все одинаковы: может, на какой-то год старше братьев, а командуют ими хуже, чем бабушки. У второклассника Валерки тоже есть такая сестра, зовут ее Маринка.

Однажды Валерка нашел автоматную гильзу, позеленевшую от времени, с пробитым пистоном в доньшке. Очень обрадовался находке мальчик. Он заглянул в гильзу сперва одним глазом, потом другим, потом понюхал. И показалось ему, что из гильзы пахнет порохом далеких сражений. Как и следовало ожидать, Маринка, увидев гильзу, отобрала ее и тайно выкинула на помойку. Напрасно бродил Валерка до самого вечера по двору. То, что раз нашел и потерял, второй раз

едва ли отыщешь. Он пришел домой заплаканный. И так в слезах уснул.

Маринка тоже легла в постель, но уснуть сразу не смогла. Ей было немного жалко брата: ведь она его очень любила.

«Вот чудной какой, разревелся из-за пустяка. Подумаешь, драгоценность — эта гильза!.. Чего доброго, набьет ее серой от спичек... Очень хорошо я сделала, что выбросила позеленевшую медяшку...»

В это время она почувствовала, как руки коснулось что-то холодное.

— Ой! — вскрикнула Маринка, отдернула руку и оглянулась.

На краю постели стояла та самая автоматная Гильза.

— Не сердись на меня, девочка, что я такая холодная, я только что мылась у водопроводной колонки, — сказала она. — Признайся, ты обошлась со мной не очень-то хорошо. Но не поэтому я пришла к тебе. Ты отняла меня у братишки, а я была ему очень нужна. Мне, конечно, не трудно попасть в карман его куртки. Я так бы и сделала, но ты тогда стала бы говорить, что братишка непослушный. Вот я и пришла к тебе.

Все это было так необычно, что Маринка растерялась. Но ненадолго: ведь она была старшей сестрой!

— Чем может быть полезна Гильза, к тому же стреляная? — усмехнулась она.

— Я рассказала бы ему о сильных и смелых людях, о тех, кто защищал нашу землю от врагов. И братишка твой сам стал бы потом хорошим и честным, Родина была бы для него дорожке всего на свете...

Гильза замолчала, словно раздумывая над чем-то важным, и потом спросила:

— Могла бы ты сейчас отправиться в небольшое путешествие?

— Конечно, только не в эту минуту. Надо же мне одеться. Ночная рубашка хороша, чтобы спать, а не путешествовать. Или вы думаете иначе, позеленевшая Гильза?

Это было сказано так, что каждый на месте Гильзы обиделся бы. Но, видно, Гильза умела прощать маленькие обиды.

Она ни слова не проронила, пока Маринка надевала платье, обувала сандалии, вплетала синие ленты в короткие косицы, разглядывала в зеркале курносый нос и строго щурила глаза, похожие на две ягоды смородины.

Удивительно тихо, без малейшего скрипа закрылась дверь за девочкой и Гильзой. Маринке даже стало страшно. Следуя за Гильзой, которая с легким звоном касалась каменных ступенек лестницы, она впервые подумала серьезно о том, что происходит. Не вернуться ли лучше домой? Она и вернулась бы, но... ведь она старшая сестра и, значит, не должна бояться неизвестности.

...Они вышли на улицу. Под ночным ветром шумели молодые тополя, весело светились разноцветные окна в больших домах (это потому, что в квартирах были разноцветные абажуры), по тротуару шли прохожие. С одним из них — монтером из домоуправления — Маринка поздоровалась. Но он не ответил, словно не заметил девочку. Маринка подумала: «Почему бы это?» И тут же почувствовала, что не слышно шума листьев, гула автобусов, — улица онемела. Ночное небо начало светлеть, улица с домами, тополями, прохожими стала постепенно исчезать в этом бледном свете. Через минуту, не больше, наступил день. Солнце, затянутое оранжевым дымом, пекло землю. Ничего похожего на родную улицу вокруг не было. Насколько видел глаз, вокруг всё было изрыто траншеями, окопами и воронками, из которых поднимался вверх и разливался над землей запах гари. Груды кем-то перемолотого

кирпича, обуглившиеся доски показывали, что когда-то здесь были строения. Вдали глухо ухало, изредка раздавались звуки, похожие на те, когда палкой быстро проводят по забору.

«Сви! Сви-и!» — вдруг просвистело у самого уха Маринки.

— Что это? — спросила она у Гильзы шепотом и присела на корточки. Непонятное чувство заставило ее затаиться.

— Это пролетела пуля, девочка, — спокойно ответила Гильза. — Мы с тобой на войне. Но ты не бойся. Эта пуля не могла причинить тебе вреда. Ведь она пролетела здесь на самом деле очень давно, когда тебя и твоего братишки еще не было на свете. Я уйду, — продолжала Гильза. — Мне необходимо превратиться в патрон и быть в диске автомата. А ты ступай вон к тем остаткам стены. Там мы с тобой встретимся.

Гильза исчезла. Маринка, пригибаясь, побежала к разбитой стене. Не боясь испачкаться в красной кирпичной пыли, она заглянула в пролом и увидела за стеной человека. Он лежал в углублении, сделанном в щебне, и, выставив автомат, глядел вперед. На нем были сапоги из жесткой кирзы, зеленые брюки и гимнастерка, такие же, как и теперь у наших солдат. Русые волосы из-под пилотки выбились на лоб. По щекам, покрытым все той же кирпичной пылью, текли струйки пота и оставляли за собой светлые дорожки.

— Эй, рус, сдавайся! — донеслось вдруг из-за дальней груды кирпича. — Ты еще можешь сохранить свою жизнь...

Вслед за окриком над развалиной показалась серая каска фашиста. Снова будто провели палкой по частому забору. Это он выстрелил из своего автомата. От пуль перед укрытием нашего бойца поднялись фонтанчики кирпичной пыли. Боец тоже выстрелил, но одним патроном. Маринка заметила, как при этом чуть дрогнули его широкие плечи. Серая каска врага осталась на месте.

— Одним фашистом на земле меньше, — услышала Маринка голос бойца. Голос прозвенел над развалинами гордо и торжественно, как может звучать только песня, когда ее поют мужественные люди.

— Ну что ж, пора кончать, — снова проговорил боец, но уже глухо, будто бы сразу его охватила усталость, накопившаяся за все походы и сражения. — Остался последний патрон, последняя пуля — для себя.

Неизвестно почему, Маринке стало вдруг тревожно.

— Эй, рус! — снова донеслось издалека. — Сдавайся, нас много, а ты один. Не сдашься, будем мучать тебя!

И еще одна серая каска показалась над дальней грудой кирпича. Пули опять разбрызгали красные кирпичные фонтанчики.

— Стерплю все пытки, все мучения, — услышала Маринка знакомый голос, — но пусть еще одним фашистом будет меньше...

Последний выстрел прогремел. Пуля, которую оставлял боец для себя, сразила фашиста. И тут враги в серых касках поднялись во весь рост. Они шли с автоматами, в которых были десятки патронов на одного бойца. А он поднялся тоже и, гордый, смотрел бесстрашно и ждал.

— Дяденька! — крикнула Маринка. — Сюда скорее, мы уйдем от них. Слышите, дяденька!..

Но боец не слышал. Тогда Маринка спрыгнула к нему в кирпичный окоп, схватила его руку, потянула за собой. Но боец не пошевелился даже. А фашисты были совсем близко. Маринка видела прямо перед собой лица врагов и жалела, что нет на ней красного галстука. Он так же, как алая звезда на пилотке, подтвердил бы ее ненависть к врагу, готовность стойко перенести все, что выпадает на долю воина.

— Вам, дяденька, легче со мной? — спросила Маринка и поглядела в глаза бойцу. — Мы вдвоем теперь!..

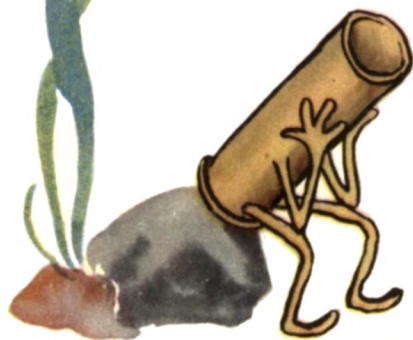
Но боец не отвечал ей, не видел ее. Девочка поняла, что ничем не сумеет помочь молодому солдату. Ведь он сражался здесь очень давно, когда ни Маринки, ни ее братишки еще не было на свете. Горькие слезы навернулись на глаза. Но она крепилась — разве могла плакать в такую минуту пионерка?

В этот момент солнце вдруг сразу потускнело, будто наступили сумерки. В густеющей темноте исчез пустырь, перерезанный траншеями, и герой-боец, окруженный врагами. Через минуту, не больше, была ночь.

Под теплым ветром шумели молодые тополя, весело светились разноцветные окна в больших домах (это потому, что в квартирах были разноцветные абажуры), по тротуару шли прохожие.

— Как же так? Он не спасся?.. — прошептала Маринка.

Никто не ответил ей. Шумели листья, гудели автобусы. А Гильза молчала. Она лежала на земле с пробитым пистолетом в доньшке, позеленевшая от времени.

Дубовый посошок

ыл Николай обыкновенным мальчишкой. Ростом приятелей не обогнал, нос в рыжих конопушках. Но однажды почувствовал он в себе богатырскую силу. Гору — и ту с места сдвинуть может! Ну, а характер как был у него добрый, так и остался. Поэтому, когда стал он думать, куда силу свою девать, решил подвиг совершить. Такой подвиг, чтобы ему люди радовались, чтобы артисты пели песни о нем и чтобы дали за него медаль, а то и орден.

Положил Николай в вещевой мешок кусок хлеба да кусок колбасы, башмаки крепкие обул и стал с родителями прощаться. Мать, как узнала, что сын в дальнюю дорогу отправляется, на дела нешуточные, героические, заплакала. Но перечить не стала. Отец (он на заводе токарем работал) тоже ничего не сказал. Пожалел только, что сын отцовским ремеслом побрезговал.

Пошел Николай прямо на солнышко. По

дороге вырезал посошок дубовый. Опирался на него и делал на нем зарубки: как сутки кончатся, так новую зарубку сделает. Когда на посошке тридцать зарубок было, услышал Николай стук. Удивился он (место безлюдное), решил посмотреть, кто это топорами работает. Подошел, видит — люди дом строят.

— Куда путь держишь, добрый молодец? — спросили его плотники.

— Силу в себе богатырскую почувствовал, — ответил им Николай, — иду подвиг совершать. Вот уже месяц как в дороге. Не знаете ли вы, добрые люди, где подвиг совершить можно? Такой, чтобы люди ему радовались, чтобы артисты песни о нем пели и чтобы в Кремле за него медалью, а то и орденом наградили!

— Мест на нашей земле много таких, — ответили плотники, — ну, а где — точно не знаем. Может, ты сейчас на таком месте стоишь. Хочешь, оставайся с нами. Мы тут целый город строить будем.

— Нет, — усмехнулся Николай, — я уж дальше пойду. Тут мое желание не сбудется...

Накормили плотники Николая кулешом, еды ему в пустой мешок положили и пожелали счастливого пути.

Лугами, лесами, полянами шел Николай — все в одну сторону, не сворачивая. Туда, откуда солнышко восходит. Снизу доверху посошок дубовый зарубками покрылся. Вышел Николай на край поля. Широкое поле. Земля перепажана, мягкая, теплая. Пар от нее идет, как от хлеба, который только что из печки вынули. Стоят люди и землю в руках мнут, пробуют, какая она. Увидали они Николая, окликнули:

— Куда путь держишь, добрый молодец?

Рассказал Николай, что идет подвиг совершать, спросил, не

знают ли они места, где совершить его можно.

— Место такое есть, а где — точно не знаем, — ответили полеводы. — Может, вот на этом самом месте такое место. Оставайся с нами, завтра пшеницу сеять будем...

Ничего им не сказал Николай, только усмехнулся и дальше пошел. С другой стороны посошка зарубок сто сделал, когда увидел вдали дремучий лес. Будто черная туча, лежал этот лес на краю земли. Казалось, ударит сейчас гром посредине него, и красные молнии вылетят стрелами в небо. Сумрак в лесной чащобе стоял, тишина. Ветер даже не может ветки качнуть: так крепко переплелись деревья вершинами. А Николаю не страшно ничуть. Он даже обрадовался. Может, здесь придется силу богатырскую испытать. Шагал он веселый через овраги глухие, по черным гарям да по топким болотам. Вдруг треск по лесу пошел. Большие деревья закрипели, маленькие согнулись. То кабан пробежал мимо Николая. Голова у него не меньше бычьей, бурая щетина дыбом стоит, из пасти торчат два клыка по вершку. Забилось у Николая сердце от радости. Решил он догнать кабана и одолеть его. «Наконец-то, — думает, — нашел место, где подвиг совершить можно!»

Тише мыши лесной шел Николай по следам зверя. Засветлелась поля-

на впереди. Приготовился Николай к схватке, ветки раздвинул. Да так и остался на месте. На поляне длинное корыто стоит, а в нем картошка нарезанная. Страшный кабан с кабанятами эту картошку едят и похрюкивают от удовольствия. Покрылись у Николая щеки со стыда, понял он, что звероводы тут кабанов разводят, как свиней их кормят.

Другая сторона посошка покрылась зарубками. Открылась перед Николаем дорога. Идут по дороге солдаты. Шаг у них твердый. Ряды ровные. Запевала впереди песню заводит.

Подбежал Николай к командиру.

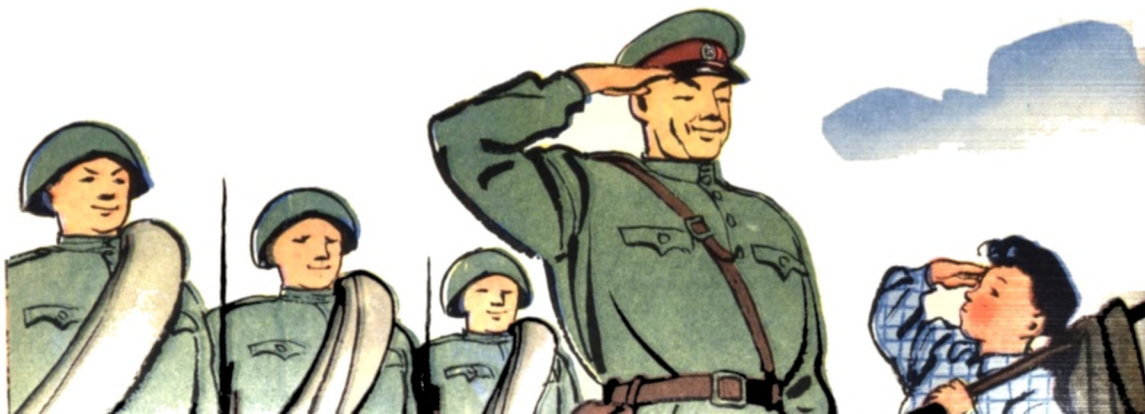
— Возьмите меня, товарищ командир, с собой! Силу я в себе богатырскую почувствовал. Хочу побыстрее подвиг совершить такой, чтобы ему люди радовались, чтобы артисты пели песни о нем и чтобы в Кремле за него медалью, а то и орденом наградили. Вот уж год по земле хожу, а места, где подвиг совершить можно, не найду никак!..

Командир руку к козырьку поднес и ответил:

— Взять тебя, добрый молодец, могу. Ну, а подвига скорого не обещаю. Раньше нападали враги на нас часто. Теперь нападать не осмеливаются. Если же ты подвиг скоро хочешь совершить, то слушай мой приказ. Ты все время на восход солнышка шел, теперь иди все время на заход. Нигде с дороги не сворачивай. Место для подвига сам увидишь.

Верить или не верить командиру — не знал Николай, но обратно пошел: если уж дан приказ, то выполнять его надо точно. День идет, два идет... Миновал лес, где с кабанями встретился. Знакомые места кругом и вроде незнакомые. Будто полны светлей стали, леса — выше, реки — глубже...

Подходит к полю, где год назад звали его пшеницу сеять. Кого ни встретит — старика ли старого, ребенка ли малого, — улыбаются все, радуются, как в большой праздник. Спросил он встречного, чему это все люди радуются? «Как не радо-

ваться, — услышал в ответ, — полеводы наши второй год столько пшеницы собирают, что не знаем, куда хлеб девать. Нет теперь в округе дома такого, где бы не пекли пирогов».

«Я-то ведь тоже хотел, чтобы люди радовались...» — подумал Николай. А сам шагу прибавил: не захотелось ему с полеводами встречаться, ведь на их приглашение он усмешкой ответил.

Дошел Николай до того места, где плотники его кулешом кормили. Глазам не верит. Большой город перед ним. Мимо домов автобусы едут. В сквере у фонтана ребяташки играют. А на высокой мачте в середине широкой площади четыре репродуктора висят. И на все четыре стороны летит из них песня. Поют артисты звонкими голосами о строителях этого города — плотниках, штукатурах, малярах и каменщиках.

«Я-то хотел тоже, чтобы артисты обо мне пели...» — подумал Николай и кепку на глаза надвинул. Не захотелось ему, чтобы плотники его узнали, — ведь и на их приглашение усмешкой он ответил.

Наконец дошел Николай до своего дома. Постучался. Мать ему открыла, обняла его, целовать стала. Заглянул Николай в комнату, а там — столы скатертями накрыты, на блюдах кушанья. Сидят за столами гости. К еде не притрагиваются, ждут.

«Вот как меня встречают, — подумал Николай. — Что же я им скажу теперь? Как два года место искал, где подвиг совершить можно? Посошок бы куда-нибудь спрятать... Зарубки на нем по числу дней потерянных — вот и все мое дело».

Только напрасно Николай беспокоился. Не его встречали. В это самое время вернулся из Кремля его отец. Там ему за трудовой подвиг орден вручили. И все гости стали поздравлять токаря с наградой.

Лёха и Тимоха

Лёха и Тимоха стояли на четвереньках в канаве, заросшей лопухами, и глядели друг на друга.

— Лёха, у тебя на лбу шишка! — сказал Тимоха.

— И у тебя тоже, — отозвался Лёха.

Над ними кто-то негромко кашлянул. Мальчики поглядели вверх и увидели на краю канавы маленькую старушку. Волосы у нее были седые-седые, глаза добрые-добрые. Одета была старушка в серую кофту и такую же юбку. В руке она держала клубок ниток.

— Как вы сюда попали, — спросила старушка, — и почему на ваших лбах одинаковые шишки?

Прятели молчали. Лёха в смущении начал отдирать от своих штанов репы, а Тимоха — ощупывать шишку.

— Мне и самой не трудно это узнать, — сказала старушка, — я ведь добрая волшебница. Только не хочется мне по пустякам тратить свою волшебную силу.

Леха после этих слов посмотрел на Тимоху, Тимоха — на Леху.

— Петька с соседней улицы толкнул нас в канаву, — начали приятели разом.

— Он малыша обижал, а мы хотели заступиться! Да не сладили, — пояснил Леха.

— Раз вы добрая волшебница, сделайте, чтобы у нас силы прибавилось, — попросил Тимоха и снова потрогал лоб.

— Ладно, — сказала волшебница, — помогу я вам для добрых дел силу добыть. Дам я вам клубочек. Куда он покажется, туда и вы идите, где он остановится, там и вы остановитесь.

И старушка тут же исчезла, ребята ее даже поблагодарить не успели. Покатился клубок по краю дороги: под гору быстрее, на гору тише. Леха с Тимохой за ним пошли.

Долго ли, мало ли шли приятели — пришли они в волшебную страну. Похожа эта страна на обыкновенную и не похожа. Небо синее, высокое: в одной стороне его радуги стоят семицветные, в другой — хрустальные звезды с хрустальным месяцем светятся, в третьей — гром в черных тучах гремит и огненные молнии летают, в четвертой — солнышко ясное, ласковое улыбается. А на земле травы растут высокие, леса стоят дремучие, белые волны морские набегают на скалистые берега.

Оробели Леха с Тимохой. От клубка отстать бояться. А клубок покатился еще немного да и привел их к избушке на курьих ножках. Заскрипела избушка, затрещала и повернулась к ребятам той стороной, где дверь. Тут дверь сама собой распахнулась. Заглянули в нее Леха с Тимохой, видят, сору в избушке полно. На лавках пыль, по углам пауки паутину свили. Видно, хозяйки давно дома не было.

Сели ребята на травку и стали ждать, когда клубок дальше покатится, за силой их поведет. Сколько приятели сидели, неизвестно. Только клубок все лежал на земле. Надоело Лехе ждать.

— Вот что, Тимоха, — сказал он, — хотя я дома пола никогда не мел, времени на это не хватало, — попробую-ка в избушке прибраться. Не то с тоски помру...

Тимохе работать не хотелось — на траве сидеть нравилось.

— Что ж! Приберись! — ответил он. — А я за клубком смотреть буду, а то возьмет да укатится без нас.

Пошел Леха в кусты можжевельниковые, наломал там веток и сделал из них веник. Снял он этим веником паутину в углах, пыль с лавок смел, а потом веником по полу прошелся как следует да еще выскреб его добела. Даже вспотел от такой работы.

А как кончил работу, отдохнул немного, так и клубок дальше покатился.

Сколько километров ребята еще прошли — никто не мерял. Обогнал их по дороге Иван-царевич на сером волке, ковер-самолет над ними пролетел. Дошли до колодца, и тут

клубок остановился. На срубе колодезном стоит бадья широкая, к ней веревка длинная привязана. Рядом на двух камнях белых лежит колода осиновая — пустая, сохнет без воды. Около нее на земле следы конские. Огромные следы, со сковородку. Верно, богатырские кони приходят сюда на водопой!

Сели ребята на колоду и стали ждать, когда клубок дальше покатится, за силой поведет. Опять Лехе ждать надоело. Начал он воду бадьей доставать да в колоду наливать. Пока полную налил, спина заболела. Сел он отдохнуть рядом с Тимохой. А тут скоро и клубок дальше покатился.

Клубок в гору катится — приятели за ним, клубок под гору — Леха с Тимохой не отстают. Открылась перед ними поляна, тыном огороженная. Тын где стоит, где покосился, где упал. За тыном — сундук кованый. Врос наполовину в землю. А на сундуке сидит, согнувшись в три погибели, царь Кашей и от злости трясется. Думает, что ребята начнут у него сейчас отбирать его богатства.

— Давай тын, что ли, поправим, — предложил Леха Тимохе. — Дело ясное: пока работу не кончим, клубок дальше не покатится, за силой не поведет.

А Тимохе посидеть охота.

— Хорошему человеку с удовольствием бы тын починил, — ответил Тимоха, — Кашею не хочу.

— Да я разве для Кашея чинить буду? — рассердился Леха. — Я для хороших людей, чтобы они этого жадюгу не видели и настроение себе не портили.

Сказал так и за работу принялся. А как кончил ее да отдохнул немного, клубок дальше покатился. Катился, катился и выкатился из волшебной страны в настоящую, в которой приятели жили.

Видят Леха с Тимохой, стоит старушка — добрая волшебница, их поджидает. Клубок старушке сразу на руки прыгнул, а она улыбнулась и спросила ребят:

— Ну как? Крепче ваша сила стала?

— Не знаем, — ответили Леха с Тимохой.

— Не знаете? Тогда давайте силу вашу новую испытаем. Вон дубок стоит. Отрясите-ка мне с него желуди. Только не оба сразу за дело беритесь.

Подошел к дубку Леха. Подумал, не смеется ли над ним волшебница? Разве может мальчишка такое дерево пошатнуть? Но поднатужился как следует, и половина желудей упала. Встал на место Лехи Тимоха. Только как ни старался он, ни один листочек на дубке не шевельнулся.

— Что ж это такое! — обиделся Тимоха на добрую волшебницу. — Леха вон какую силу получил, а я ничего...

— Странно, — сказала старушка, — а ты избушку на курьих ножках прибирал, воду в колоду наливал, тын чинил?

— Нет, — признался Тимоха. — Я не знал, что от этого сила прибавляется. Дай мне, бабушка, клубочек, пусть он меня снова по волшебной стране проведет.

— Чего не могу, того не могу. Он мне для другого дела нужен, — сказала волшебница и пошла.

— Бабушка! — крикнул Тимоха вдогонку. — А если я свой дом буду прибирать, буду воду носить, чинить все, сила у меня прибавится?

— Попробуй! — ответила добрая волшебница и исчезла.

Будильник и кот

та история очень удивительная. Многие могут сказать, что ничего подобного никогда и нигде не случилось. Но случиться может вся-

кое: была бы только причина. И уж поверьте, у Пенала были все основания выхватить из себя ручку с пером и действовать ею как шпагой. И недаром настольная Лампа вместо света залила комнату темнотой. Но... лучше рассказать обо всем по порядку.

Город спал. На улицах не было пешеходов, не ездили автомобили, даже листья на деревьях и те не шевелились, задремав до утреннего ветра. Часы на башне, словно боясь потревожить спящих, ударили только один раз и умолкли. Может быть, этот звук, а может быть, что-то другое заставило Сережку закрыть книжку «Граф Монте-Кристо», сесть за стол и раскрыть учебник истории и тетрадь по математике. Мальчик с трудом прочел урок про хана Батыя и стал решать

примеры. Сонные глаза Сережки видели плохо. Он так глубоко окунул ручку в чернильницу, что с пера сорвалась крупная капля и жирной кляксой растеклась по грозному хану, нарисованному у края страницы. Эта неприятность взбудрила мальчика, но ненадолго. Голова его снова опустилась на стол, как только он пополам перетер хана резинкой.

Белоголовый Кот, которому стало неудобно на коленях мальчика, залез на стол, сладко потянулся и улегся под абажуром Лампы.

— Уф, я, наверное, перегорю от злости! — вдруг проговорила Лампа, сняла с себя абажур, словно это была шляпа, и толкнула своей горячей головой Кота.

Кот свалился на пол, хотел мяукнуть, но не мяукнул, так как был ленив до крайности, и отправился на кровать, куда приглашала его мягкая и толстая Подушка.

— Уф-ф! Ну и ученик! — снова заговорила Лампа, обмахиваясь абажуром. — Скажите, уважаемый Режим дня, он только ночью делает наоборот — вместо того чтобы спать, учит уроки — или все время? Как он поступил, например когда вы подсказывали делать «Подъем»?

Большая буква «Р» Режима дня, висевшего на стене, всхлипнула:

— Вот что было, когда наступило время вставать...

Буквы на Режиме, составляющие слово «Подъем», превратились в человечков с фанфарами. Но вместо того, чтобы стоять, как и полагается фанфаристам, они лежали и спали.

— Ясно! А что делал мальчик, когда надо было обедать?

Буквы, составляющие слово «Обед» превратились в тощих человечков. С вилками и ложками в руках человечки вдруг начали с ожесточением гонять футбольный мячик.

— Что ж, выходит, он не обедал? — удивилась Лампа.

И тут же в ответ буквы, составляющие слово «Зарядка», превратились в стройных гимнастов. Но животы у них вдруг начали увеличиваться, гимнасты

превратились в сытых толстяков.

— Значит, он ел, когда надо было заниматься зарядкой? Да этот человек не имеет никакого представления о времени!..

— Надо, чтобы у мальчика был Будильник, — пропихивал высунувшийся из портфеля Пенал. — Вот увидите, мальчик станет хорошим. Попробую-ка я позвонить одному доброму человеку в Страну Времени...

* * *

Страны Времени нет ни на одной географической карте. И тем не менее такая страна существует. Ведь не стал бы Пенал звонить по телефону куда попало? Страна Времени — необычная страна. В ней живут одни часовщики. Рано утром надевают они белые халаты, вставляют в глаза лупы и принимаются за работу. Одни начинают вытачивать зубчатые колесики, другие мастерят звонки, третьи — стрелки, четвертые — циферблаты... Самый главный в Стране Времени — Старый Часовщик. Раз в десять лет его избирают все часовщики на своем собрании.

Старый Часовщик сидел в огромном зале, прозрачные своды которого поддерживали двенадцать колонн из огромных песочных часов. На каменных плитах пола были расчерчены солнечные часы. В зале звучала едва слышная музыка. Это звенели капли и журчали струи водяных часов. Старый Часовщик принимал экзамены у готовых Будильников.

— Следующие! — торжественно произнес он.

В зал робко вошли три новеньких Будильника.

— Ну-с, начнем с вас.

К низенькому столику приблизился Будильник зеленого цвета и начал копать в экзаменационных билетах.

— Берите любой, — подбодрил его Старый Часовщик, — мы все это проходили. А что у вас в руке? Шпиргалка? Дайте ее мне. «17 часов можно назвать пятью часами, 23 часа — одиннадцатью. Четверть второго — это один час пятнадцать минут», — прочел Старый Часовщик. — Ай! Ай! Как вам не стыдно! Придется поставить двойку и назначить переэкзаменовку. Хорошие часы должны надеяться на свои знания.

Сконфуженный Будильник ушел из зала, а его место у стола занял Будильник розового цвета. Он бойко взял билет и поблелел.

— Что с вами? — спросил Старый Часовщик. — Ах, билет номер тринадцать! Не будьте суеверны. Кстати, покажите тринадцать часов.

Стрелки Будильника задрожали и показали тринадцать.

— Отлично! — проговорил, улыбаясь, Старый Часовщик. — А вы волновались...

— Теперь я хочу послушать ваш голос, — сказал Старый Часовщик третьему Будильнику, синему.

В это время загорелась лампочка у телефона, и Старый Часовщик снял с рычажков трубку.

— Страна Времени слушает. Вам нужен Будильник? Самый точный и самый звонкий? Непременно пришем. Повторите, пожалуйста, адрес. Так... До свидания.

— Прошу прощения, — извинился Старый Часовщик перед Будильником, — звонили от школьника Сергея. Этот человек потерял всякое представление о времени. Ну-с, позвоните...

Быстро застучал Будильник железным кулачком по никелированной шапочке — оглушительный звон наполнил зал.

— Хватит, — сказал довольный Старый Часовщик. — Очень звонко. Вы завтра на рассвете вместе с тысячей других часов, получивших назначения, отправитесь в путь. Вам придется пойти к Сергею, от которого только что звонили.

На рассвете перед дворцом Бом-бом, фасад которого напоминал гигантские ходики, в строю застыли часы самых разных марок. Были тут и маленькие часики, размером с копейку, и огромные башенные, электрические и с пружинным заводом, были часы, циферблаты которых и стрелки видны самой темной ночью.

На балкончик, устроенный на огромном маятнике, вышел Старый Часовщик. Маятник мерно качался из стороны в сторону, и Старый Часовщик, оказываясь то около начала строя, то около его конца, говорил:

— Перед тем как вы покинете Страну Времени, я хочу напомнить вам, что для часов главное — точность. Одни из вас окажутся на площади большого города, другие — в кабине реактивного самолета, третьи — в рубке атомного корабля, по четвертым будет сверять время сталевар. Не подводите людей, и тогда они не будут подводить ваши стрелки. Тсс!.. Слышите перезвон? Сейчас начнут бить кремлевские куранты. Всегда сверяйте ход по этим часам.

Как только умолк бой курантов, Старый Часовщик вытянул руки по швам и скомандовал:

— Направо! Шагом марш!

Часы четко выполнили команду. Они запели песню про точное время и вышли за шлагбаум. Там их дорога разветвлялась на сотни троп и тропинок.

— Левой — тик! Правой — так! Левой — тик! Правой — так! Тик-так, тик-так! — командовал Старый Часовщик, пока часы не скрылись из глаз.

* * *

Синий Будильник благополучно добрался до города, где жил школьник. Пока не проснулись люди, отыскал нужную улицу и дом. В комнате его уже ждали друзья. Лампа, щурясь от удовольствия, размахивая абажуром, раскланялась с ним. А Пенал вынул из себя ручки с перышками и поднял их в знак приветствия. Пылесос сдул с тумбочки пыль, подхватил Будильник шлангом, как слон хоботом, и поставил на тумбочку.

В это время в кровати мальчика проснулся Кот.

— Откуда взялся такой противный звук, — проворчал он, — тик-так, тик-так! Фу, гадость...

Кот снова свернулся около ног мальчика, заткнул лапами уши и закрыл глаза. Только не удалось ему уснуть. Стрелки Будильника показали семь часов — время подъема. Будильник часто-часто застучал железным кулачком по своей шапке, раздался громкий звонок. Мальчик, однако, не проснулся, он

только натянул на голову одеяло и, выпрямив ноги, столкнул Кота с кровати.

— Это все из-за тебя! — прошипел Кот, бросился к Будильнику и ударом лапы сшиб его с тумбочки на пол.

Будильник больно ушибся, но, главное, от него отскочил ключ, которым заводилась пружина боя. Кот понял, что сейчас (или никогда!) он сможет оставить жизнь в этой комнате без перемен, спокойную жизнь лежебоки. Откуда только взялась у него прыть. Он схватил ключ зубами и пустился наутек. Но не тут-то было! Пенал, орудуя ручкой с острым пером, как шпагой, встал на пути разбойника. Из портфеля вылетел транспорт и оделся на руку Пенала вместо щита. Кот фыркал, увертывался от ударов, наконец сам перешел в наступление и прижал Пенал к стене. Вот-вот когти должны были вонзиться в лакированные бока Пенала.

Но в это время Пылесос на своих колесиках бросился на выручку друга. Только, к несчастью, он зацепился шлангом за ножку кровати и впопыхах никак не мог освободиться. Очень печально закончилась бы эта битва, если бы не книги. Они выскочили из портфеля и, как тиски, сжали врага со всех сторон. Кот взвыл страшным голосом, сделал отчаянный прыжок и стал боком двигаться к двери. Ему оставалось пройти еще несколько шагов. На его пути уже не было никаких препятствий. Правда, Лампа сделала из своего шнура аркан и готовилась метнуть его, но шнур был короток.

Отважный Пенал не знал, что ему делать: броситься ли за Котом, или продолжать охранять Будильник. Но Пылесос, сильный Пылесос освободил шланг и уже стоял против Кота.

Все, кто видел двух бойцов, замерли в ожидании. Подушка — всегдашняя союзница Кота — решила пожертвовать собой: она неожиданно выпустила из себя пух. Под прикрытием пуховой завесы Кот метнулся к выходу. Однако Пылесос успел втянуть в себя пух, пустую наволочку и Кота, хотя тот визжал и упирался, как только мог. Звякнув, ключ упал на пол. Пенал поднял его и торжественно вручил Будильнику.

Будильник завел себя, зазвонил снова. На этот раз Сережка проснулся. Он протер глаза кулаками, поглядел на Будильник, потом на Режим дня.

— Так... — проговорил мальчик, зевая. — У меня новые часы? Наверно, звеньева придумал... Ишь ты — тайно ко мне доставили... Ну что ж! Режим сейчас советует делать домашние задания. Будем решать задачи. Вот дурная голова! Забыл! Ведь я же обещал в это время играть с ребятами в футбол... А как же с Режимом? Сделаю-ка наоборот: вначале погоняю мяч, а потом сяду за уроки.

«Вы слышали, — пришла в отчаяние буква «Р», — он опять хочет делать наоборот. Нет, терпению пришел конец. Дорогие вещи, давайте-ка с этой минуты тоже все делать наоборот. Уважаемая Лампа, просигнальте по азбуке Морзе!»

Лампа короткими и длинными вспышками передала немедленно сообщение, после которого в доме школьника начали твориться непонятные дела.

Сидя на кровати, Сережка обувал башмаки. Как только он зашнуровал их, правый башмак стал левым, а левый — правым. Удивленный мальчик поменял их, но снова носки башмаков смотрели в разные стороны. Растерянный, он пошел к умывальнику и стал мыть лицо. Странное дело — после умывания щеки стали грязнее, чем были. Расческа подняла волосы на голове школьника дыбом, хотя он изо всех сил старался пригладить их и даже смазал вазелином. Не понимая, что происходит, смотрел он в зеркало и видел со страхом, как его собственное изображение переворачивается вниз головой.

Мальчик бросился в свою комнату и увидел, что волосок в Лампе вдруг потемнел. Вот он стал черным, как уголь, и пошла от него по всей комнате темнота гуще ночной. В ней исчезли все предметы, только циферблат Будильника сиял фосфорическим светом, узкие стрелки четко выделялись на нем.

— Уж не ты ли, Будильник, придумал все эти чудеса! — крикнул вдруг Сережка, догадываясь, в чем дело. — Ха-ха! Исправить меня захотели... Да меня уже восемь раз в школе прорабатывали, всем звеном мне Режим дня писали. Все равно я сейчас пойду играть в футбол. А часы просто выброшу в окно.

Мальчик схватил часы, размахнулся... Но тут перед ним... вырос Старый Часовщик. Его внезапное появление ошеломило Сережку.

— Дай часы мне! — приказал старик.

— Они все сговорились делать все наоборот, — начал оправдываться мальчик, отдавая Будильник, — они хотели испугать меня. А я не боюсь, потому что сам все делаю наоборот. Наоборот-то интересней!

— Интересней? Ну что ж. Пусть будет по-твоему!

Старый Часовщик торжественно завел Будильник и поставил его на тумбочку. А сам, словно был он из пара, исчез.

Светился циферблат Будильника. Фиолетовое сияние, исходившее от него, залило комнату.

— Тик-так! Тик-так! — необычайно громко выстукивали часы.

— Время, наоборот! — вдруг прогремел откуда-то голос Старого Часовщика.

Стрелки Будильника начали вращаться в обратную сторону, все быстрее и быстрее. Вот они уже слились в сияющий круг. И по мере того как убыстрялось движение стрелок, вокруг мальчика менялась обстановка. Пропали все вещи, исчезли стены дома. Ближние и дальние улицы с деревьями, тротуарами и фонарями словно под землю провалились.

Мальчик огляделся и увидел, что стоит он в степи у подножия холма, на котором разбит шатер из ярких ковров.

Дальше были шатры победнее, а на горизонте дымились развалины сожженного селения. Из шатра вышел человек в необычной, но очень знакомой одежде и направился к Сережке.

— Ты узнал меня, несчастный? — грозно спросил он, и его рука потянулась к колану со стрелами.

Мальчик вгляделся в незнакомца. С ужасом вспомнил, что этого человека он видел у себя в учебнике истории. Да, это был хан, хан, но без живота. Ведь его Сережка стер своей резинкой!

— Вы... вы... вы, по-моему, хан Батый. Вас нам еще на дом задали...

— И что же ты узнал обо мне дома?

— Я не успел, я проспал, — залепетал школьник, — я больше не буду...

— Узнай, несчастный, перед смертью, что я разорил многие народы, залил кровью крепости и селения. Я обрел покой в учебнике истории. Но ты протер мой боевой наряд, а заодно и мое царственное тело резинкой.

— Дяденька, я нечаянно. Я не знал, простите меня, — заныл перепуганный Сережка.

— Молчи, сейчас я придумаю тебе наказание...

— Сейчас же отпустите меня! — вдруг осмелев, крикнул мальчик. — Или я позову товарищей, все звено. Ребята, на помощь!..

— Ты зря нарушаешь своим криком тишину, — предупредил сдержанно хан. — Твои друзья родятся лишь через семь столетий. Не забывай, что мы находимся в тринадцатом веке. Итак, ты не хотел готовить уроки, пользуясь удобными книгами и тетрадями, теперь ты пригодишь их, пользуясь вот этим...

Перед мальчиком возникла огромная каменная глыба. Условие задачи, заданной на дом, было высечено на ней.

— Решай! — приказал хан и натянул тетиву лука.

— А на чем же я буду решать? — спросил мальчик, готовый расплакаться.

— Вот тебе тетрадь, а вот и перо.

Перед Сережкой появилась каменная плита и кусок железа. Обливаясь потом, он начал высекать на плите цифры. Уже на втором ударе он так хватил себя по пальцам, что взвыл от боли.

— Что же ты? Решай! — прогремел голос хана.

— Дяденька, я все понял, но я не могу так писать. Честное слово! Ведь нам еще четыре столбца примеров задали, — заплакал мальчик.

— А сажать кляксы на боевые одежды ты можешь?.. Настала твоя последняя минута!

Хан натянул тетиву лука. Стрела запела в воздухе. Но в это мгновение между мальчиком и ханом возник Старый Часовщик. Он поднял руку. И стрела, круто взмыв вверх, стала медленно вращаться. Она разделилась на две неравные части, которые превратились в стрелки Будильника. Они вращались все быстрее и быстрее, нагоняя время.

И вот уже хан исчез, словно его и не было, исчезли шатры воинов и степь с травами, с дымом на горизонте. Сережка видел, как окружили его стены комнаты, как сверху образовался над ними потолок. Стол, кровать — все было, как раньше. Все радовало — даже тумбочка с Будильником, даже Режим дня.

До занятий в школе оставался один час. И мальчик принялся за уроки. Правда, всего он сделать не успел — мало было времени. К тому же пришлось выпускать из Пылесоса оравшего Кота. В облаке пуха, с наволочкой на голове Кот прыгнул в окно и скрылся в зарослях лопухов.

По дороге в школу Сережка долго думал, как это Кот вместе с подушкой мог попасть в Пылесос. Но и другие события утра объяснить было не легко.

Гололедица-уродица

а рассвете осеннего дня жителей леса разбудили тревожные звуки колокола. Они неслись над желтыми деревьями, над засохшими травами и потемневшими от холода ручьями.

— Все, кто может идти, все, кто может лететь, ползти, прыгать, — все скорее на поляну под кленом! — звал колокол.

Вышел из берлоги Медведь. Поежился со сна, потрогал лапой иней на земле, побежал.

Открыли глаза крохотные Синицы, вспорхнули с еловой ветки, полетели.

Высунул голову из-под замшелой коряги Уж, развернул свои кольца, пополз.

А Сорока все звонила и звонила в сигнальный колокол, подвешенный на кленовом сучке. Когда собралось множество птиц и зверей, она вскочила на пенек и закричала:

— Стр-р-рашное гор-р-ре!.. Бер-р-регитесь!.. С север-р-ра

двигнутся к нам Вьюги и Гололедица. Не вер-р-рите? Спр-р-роси-те Снегирр-рей...

— Сорока сказала правду, — перебивая друг друга, начали Снегири, — пять суток мы летели сюда, и пять суток гнались за нами Вьюги с Гололедицей. Они весь корм спрятали в снегу под ледяной коркой. Что делать? Что делать? Мы умрем с голоду... — Снегири так волновались, что их розовые грудки от волнения стали красными.

Но известие Сороки испугало не всех.

— А мне не страшно, — сказал Барсук и погладил лапой бок. — Я вон какой жирный. Буду всю зиму в норе спать.

— У меня тоже постель приготовлена, — фыркнул Ежик. — Вот эти листья положу еще, ох, и мягко будет!

И он на глазах у всех ловко насадил на иголки три широких оранжевых листа.

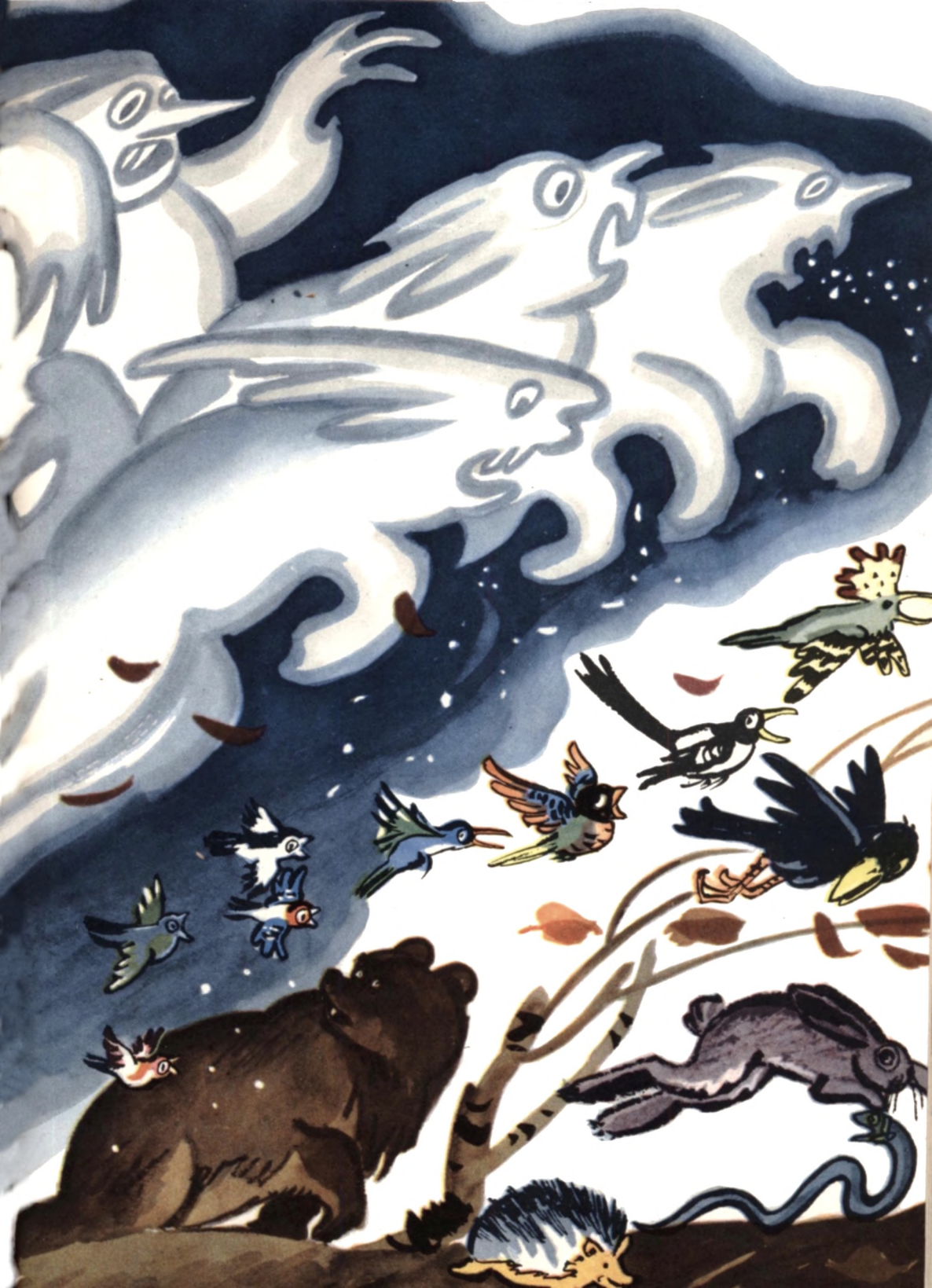
— Не боюсь я ни Вьюг, ни Гололедицы, — проворчал Медведь; он считал, что Сорока не имела права по таким пустякам звонить в колокол. — Буду в берлоге лапу сосать.

— И мы не боимся! — закричали Зайцы. — Хоть и горька осина, а на еду годится.

— Мне ни еды, ни тепла не надо, — прошипел Уж. — Замру под корягой — весной оживу снова.

Убежали Зайцы, лениво потрусил Барсук, переваливаясь с боку на бок, ушел Медведь, исчез Ежик, семена ножками, Уж прошуршал, извиваясь, по листьям. Птицы остались одни. Они были так опечалены, что не замечали большого белого шара, катившегося с горизонта. Он приближался очень быстро и рос на глазах. Это три Вьюги, похожие на косматых страшилищ, поминутно меняя очертания, мчались, запряженные в ледяные санки. В санках сидела Гололедица — толстая уродливая сосулька, с острыми ледяными зубами, длинным тонким носом и глазами, похожими на ледяные шары. С воем и свистом вырывались из пастей Вьюг снеговые лавины и засыпали все вокруг. А Гололедица, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, взмахивая со звоном ледяными руками, покрывала снег ледяной коркой.

Вот исчез под снегом луг, вот затвердела вода в озере, и черные головки камыша поникли под тяжестью ледяной скор-

лупы. Вот уже над рощей взметнулись сорванные листья и понеслись к горизонту. Только тут заметили птицы беду. В страхе бросились они в разные стороны. А Гололедица погрозила им ледяным кулаком, засмеялась смехом, похожим на грохот падающих с высоты сосулек, и понеслась дальше по лесу.

...Недвижно стояли деревья в ледяных прозрачных футлярах. Они словно стеклом были облиты. Только на облетевшем клене одиноко все тише и тише звонил раскачавшийся от ветра колокол. Наконец и он перестал качаться, умолк. Скованный холодом, лес казался мертвым.

В дупле старой осины, в теплом и прочном жилище Дятла, укрылись от стужи птицы. Отогревая замерзшие лапки, они обсуждали свое положение. Неминуемая гибель от голода грозила им.

— А что, если попросить помощи у мальчика Пети? — предложила Синица. — Я однажды заглянула к нему в окно. Ах, сколько вкусных вещей было у него на столе!..

— У мальчишки у р-р-рогачника пр-р-р-осить помощи! — затрещала Сорока. — Натянет р-р-резинку — тр-р-р-ах в кр-р-р-ыло...

— А он вовсе и не рогачник, — возразила Сороке Синица. — Он юннат. Только как известить его?

— Юннат? Пр-р-равда? — обрадовалась Сорока. — Тогда др-р-ругое дело, тогда хор-р-рошо. Давайте попр-р-росим Стар-р-рую Галку сказать ему о нашем гор-р-ре. Она всю жизнь пр-р-рожила в трубе дома, она з-знает, как говор-р-ят люди. Мы погр-р-реемся, а ты, Снегир-р-рь, меньше бойшься мор-р-роза, лети к Стар-р-рой Галке...

Старую Галку Снегирь отыскал в ее гнезде, устроенном в печной трубе. Она сразу согласилась помочь птицам. Перед окном Петиного дома Галка опустилась на снег и начала прыгать взад, вперед, в стороны. Она прыгала так очень долго, несколько раз отдыхала. Снегирь, не понимавший букв, которыми пользуются люди, был озадачен поведением Галки.

А между тем на снегу из Галочьих следов образовались две фразы: «Помогите, уважаемый мальчик. Покормите нас».

Едва успела Галка дописать прось-

бу, как к дому, рассыпая снежные вихри, подъехали три Вьюги. Они исчезли так же мгновенно, как появились. Из оседающей снежной пыли вышла Гололедица. Семена короткими ножками, позванивая на ходу, она направилась к окну. Ледяная усмешка была на ледяном лице Гололедицы, когда она посмотрела на птиц. Страх сжал Снегириное сердце в комочек. Гололедица стала водить по окну ледяным пальцем, и ледяные узоры тут же закрыли стекло. Надежды на то, что мальчик из окна прочтет птичью просьбу, рухнули.

Гололедица хлопнула ледяными ладонями. Появились три Вьюги и увезли ее. А Снегирь с Галкой сидели на заборе и смотрели, как снег засыпал то, что написала Галка.

Но не зря ведь Петю называли юннатом. Когда на землю приходит Гололедица с Вьюгами, все юннаты помогают птицам. И Петя в то самое время, когда Вьюги бушевали за стенами его дома, делал кормушку. А когда они исчезли, мальчик вынес кормушку на улицу, укрепил на столбике и насыпал много вкусных зерен. Радостный полетел к дуплу Дятла Снегирь.

Когда птицы начали сле-

таться к кормушке, солнышко выглянуло из-за туч. Обледеневшие деревья, будто вырубленные из драгоценных камней, всеми красками сверкали в его лучах. Пестрый Щегол наелся раньше всех. Он взлетел на ветку и запел песенку про злую Гололедицу, которую теперь не боялась даже самая маленькая птичка.

Песенка Щегла разбудила Гололедицу, спавшую вместе с Вьюгами в сугробе. Она приставила к ледяному уху ледяную ладонь и прислушалась.

Гололедиц-ца! Гололедиц-ца!
Ледяная ты уродиц-ца! —

донеслось до нее.

— Вставайте, Вьюги! Птицы не умерли, птицы живы! — защелкала ледяными зубами Гололедица. — Вставайте скорей, я должна их погубить!

— Мы больше не можем бушевать, — ответили ей Вьюги, — мы кончаемся.

— Как кончаетесь?!

— Так и кончаемся. Как кончается ветер, как кончается мороз.

— Я вам покажу! — разозлилась Гололедица и начала острыми ледяными пальцами протыкать Вьюгам бока.

В это время сверху донесся тихий пересвист. Это стая Чечеток держала путь к кормушке. Вьюги, сердито ворча и разбрасывая по сторонам снег, вместе с Гололедицей поднялись в воздух и устремились за ними. Птицы, заметив погоню, изо всех сил махали крылышками. И Вьюги стали отставать. Их очертания расплывались все больше и больше. Наконец Вьюги превратились в обыкновенное снеговое облако. Оно медленно двигалось по небу, и из него сыпался снег, пушистый и мягкий.

Над домом Пети Гололедица вместе с ледяными санками выпала из этого облака. Санки со звоном разбились на маленькие кусочки. А у Гололедицы отломились ледяные ноги. Птицы у кормушки вначале испугались, но потом осмелели и стали с криками кружиться над своим врагом. Гололедица

махала руками, стараясь поймать птиц. Это ей не удавалось, и она от злости плакала ледяными слезами.

А снег все падал и падал. Он сползал с покато́й крыши кормушки и засыпал постепенно Гололедицу. Скоро из сугроба торчал только ее холодный нос, похожий на длинную сосульку. Храбрый Снегирь сел на него и ударил по нему клювом. Нос отвалился со звоном. И этим звуком началась веселая песня птиц. Синицы, Щеглы, Снегири, Сороки, Чечетки, Овсянки — все пели ее, кто как умел. Даже Старая Галка, что понимала язык людей и писала Пете на снегу, подпевала своим хриплым голосом.

Приключения Точки и Запятой

сть школьники, которые не думают над тем, где ставить в предложении точку, где — запятую. А те, кто пишет верно, делают это из уважения только к правилам и не представляют, что точка — этот крохотный след пера — иногда бывает достойна не только внимания, но и восхищения.

Как-то раз Борька Тюрю сел за стол, чтобы приготовить домашние задания. Но в тот вечер он не решил ни одного примера, не прочел ни одной страницы из зоологии, хотя речь там шла о рыбах, похожих на молот, пилу и футбольный мячик. Все внимание Тюрю было приковано к большой красной двойке в тетради для диктантов. Наверное, час глядел Тюрю на двойку, а потом поглядел на точку и запятую, которые тоже были поставлены красным карандашом учительницы. Не будь этих ошибок, была бы в тетради вполне приличная оцен-

ка — «три». На точку и запятую смотрел Тюря всего лишь минуту; затем он обмакнул перо в чернила и рядом с красными знаками препинания поставил маленькие знаки препинания фиолетовыми чернилами. Больше ему ничего не захотелось делать. Он лег в постель и, прежде чем заснуть, представил, как завтра подойдет к учительнице, скажет ей, что она не заметила точки и запятой, и попросит переправить отметку.

Борька спал. И казалось, все в квартире спит. Но это только казалось. Часы, раскачивая маятник, отсчитывали, как и днем, секунды и минуты; им нельзя было спать. Не спал рыжий кот, и... бодрствовали знаки препинания в книжках на этажерке, в газетах, в письмах, которые получили Борькины родители. Не спали знаки в диктанте. Ведь усни они, брось свою службу, и все, что написано людьми, потеряло бы всякий смысл.

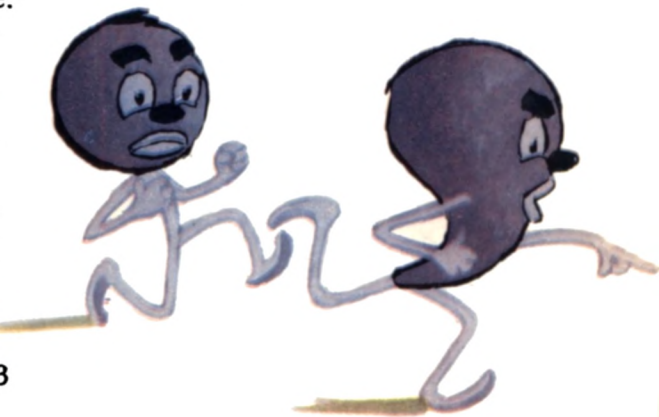
Фиолетовая Точка, поставленная Тюрей, долго ерзала на месте и потом, видимо что-то решив, обратилась к своей красной соседке:

— Уважаемая соседка! Я готова от стыда за мальчишку сделаться такой же красной, как и вы. Получить тройку так, как задумал Тюря, — это все равно, что украсть отметку... Как вы думаете?..

— Я думаю, — ответила Красная Точка, — что это хуже кражи. Ведь он оскорбит старую учительницу! А она заслуживает самого высокого уважения. Когда я была еще в карандаше, я видела, как много ей приходится работать.

Обе Точки замолчали, и стало слышно, как вздыхают Фиолетовая и Красная Запятые.

— Когда я была в чернильнице, — мечтательно продолжала Фиолетовая Точка, — я больше всего хотела поскорее попасть на перо и потом в тетрадь. Я, помню, даже ссорилась с подружками, старалась протиснуться к перу, когда оно погружалось в чернильницу.

И вот как получилось... Разве могу я сказать, что мечта моя исполнилась?..

— Мечта! — проворчала Фиолетовая Запятая. — Какой может быть разговор о мечте, если мы стали сообщниками этого скверного лодыря! Давайте-ка, Точка, уйдем из тетради. Не дадим в обиду старую учительницу.

— Уйти из тетради? — испугалась Фиолетовая Точка. — Мы сразу погибнем.

— Если поспешим, может быть, и не погибнем. Попробуем, пока тетрадь лежит недалеко от чернильницы, добраться до чернил. Ну как?..

Точка ничего не ответила, всхлипнула и покати́лась к краю листа.

— Что случилось? — спросил Вопросительный Знак.

Ему никто не ответил. И только Восклицательный Знак, стройный, как солдат на часах, крикнул:

— Молодцы!

Запятая догнала Точку за пределами тетради:

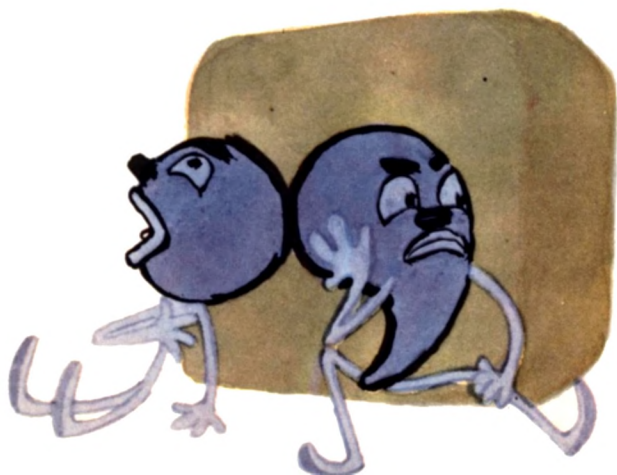
— Подожди, Точка! Если ты будешь так спешить, мы очень скоро устанем. Потом нам надо узнать, в какую сторону идти.

Точка и Запятая огляделись вокруг, но ничего, кроме зеленых бугорков и впадин, не увидели. Клеенка, которой был покрыт стол, только людям казалась ровной. Для путешественников же она была, как долина со взгорками, лощинами и холмами.

— Что же делать? — Точка была готова расплакаться.

— Реветь еще рано, — рассердилась Запятая, — впереди нас, может быть, ждут настоящие опасности. Надо быть храбрее. Сиди здесь и никуда не ходи.

Точка скатилась в ямку и легла там, глядя широко открытыми глазами вверх. Где-то, видимо над крышей дома, ярко светила луна. В комнату ее свет проникал сквозь окно и, освещая все предметы, делал их фантастическими. Точке

стало страшно, она зажмурила глаза, и в это время раздался протяжный, гулкий удар.

— Точка, ты где? — слышался вслед за ударом знакомый голос Запятой.

— Я здесь... — прошептала Точка. — А кто так громыхнул?

— Это пробили часы, уважаемая Точка. Я, Восклицательный Знак, знаю это точно. Слушайте бой часов по дороге. Вы обязательно должны быть до семи ударов у цели. Иначе все. Гибель! Чернильницу уберут в портфель. А теперь я поднимусь на холмик и посмотрю, где стоит чернильница: с моим ростом это сделать несложно.

Восклицательный Знак скоро вернулся.

— Вы видите семь звезд, — стал объяснять он, повернувшись к окну. — Они похожи на ковшик. А самая яркая — Полярная звезда. Многие великие путешественники доверялись ей. И вы идите так, чтобы звезда у вас все время была слева. Если не забудете мой совет, вас ждет удача.

Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая, повеселев, быстро пошли вперед. Они обходили высокие холмы и глубокие впадины, поддерживали друг друга на крутых спусках, помогали, когда приходилось карабкаться по склонам вверх. Им самим стала уже видна чернильница.

Точка и Запятая старались сохранить силы. Впереди они увидели очертания большого прямоугольного предмета и решили сделать около него привал. Путешественники прислонились к предмету спинами, с удовольствием вытянули ноги,

уставшие от ходьбы. Но вдруг Точка подпрыгнула как ужаленная и начала трястись от страха.

— Что с тобой? — обеспокоилась Запятая.

— Тише, мы уселись около Ластика. Что для него мы с тобой, если он целые предложения уничтожает без следа?

— Ну и чудачка ты, — засмеялась Запятая, — он, конечно, уничтожает и знаки препинания и буквы, но только в том случае, если они написаны неправильно... Нам не стоит его бояться.

— Знаешь, Запятая, а мне нравится быть путешественницей, — проговорила восторженно Точка, когда они снова пошли. В такт своим легким шагам она запела тоненьким голоском:

Прощай, диктант, прощай, тетрадь, —
Мы два часа в пути.
Нам пять часов еще шагать,
К чернильнице идти.
Пусть Тюря спит и видит сны —
Наказан он. Да-да...
Нам светит с левой стороны
Полярная звезда.

— Песня хорошая. Ты, Точка, прямо поэт. Только мне кажется, что петь нельзя. Вдруг услышит кто. Нам надо идти осторожно.

— Стой! — раздалось в тот же момент. — Вы кто такие?

Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая вздрогнули от неожиданности. Они не успели ничего придумать, как к ним подскочила Точка из полумрака. Она была синего цвета, глаза ее зло смотрели на путешественников.

— Я беру вас в плен! — хвастливо крикнула Синяя Точка. — Идите вперед — и не оглядываться!

Видеть свою чернильницу и попасть в плен к Синей Точке! Нет, это было слишком глупо. Неизвестно, о чем думала в это время Фиолетовая Точка, но Фиолетовая Запятая приняла решение тут же. Всем видом своим показывая, что готова выполнить требование врага, она подошла к Синей Точке и одним ударом сшибла ее на землю. Фиолетовая Точка, понимая, что судьбу решают секунды, нащупала около себя пылинку и всунула ее в рот Синей Точке, лежавшей без движения. Друзья, взявшись за руки, во всю прыть бросились бежать. Они поняли, что где-то рядом таится большая опасность, и решили изменить направление. Что было сил мчались они в ту сторону, где в прозрачном ночном небе дрожала яркая звезда из созвездия Малой Медведицы. Через четверть часа, убедившись, что погони нет, Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая взяли прежнее направление.

Синяя Точка, оправившись после удара, хотела позвать на помощь, но, почувствовав, что рот наглухо забит, злобно сверкая глазами, поковыляла к ложбине. Там лежала Синяя Линия.

Когда-то к Тюре приходил приятель с авторучкой. Пробуя ее, Тюрю провёл на клеенке линию. Он и не подозревал, что таким образом создал целое государство точек: ведь линия — это не что иное, как множество точек, поставленных в один ряд. Правила этим государством самая большая точка, получившаяся в том месте линии, где был сделан нажим. Звали ее Точка-Кочка. Правительница точек была беспокойна. Совсем недавно Тюрина мама мыла клеенку горячей водой. От этого государство сильно уменьшилось, все население его побледнело и ослабло. Точка-Кочка стала по ночам высылать своих подданных заниматься разбоем и ловить знаки препинания, чтобы потом превращать их в рабов.

Как только Синяя Точка рассказала о фиолетовых путешественниках, Точка-Кочка тут же во все стороны послала погоню.

Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая издали увидели движение на равнине. В мягком лунном свете то с одной стороны, то с другой появлялись и исчезали редкие цепи точек. Сомнения не было — их ищут. Собрав остатки сил, Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая побежали вперед. Теперь их могла спасти только скорость. Но пять часов, проведенных в ходьбе, почти непрерывной, сказались очень быстро. Фиолетовая Точка споткнулась о небольшой бугорок и упала.

— Беги одна, — сказала она Запятой, — спасайся. Хуже будет, если в плен попадем обе.

— Нет, Точка, — ответила Запятая, — мы будем драться вместе. Ты вставай, соберись с духом, пойдем потихоньку. Впереди я вижу высокий холм, за ним мы сделаем передышку.

На счастье путников, холм оказался большой хлебной крошкой. Тесто запеклось так причудливо, что в крошке образовалось несколько пещер с лабиринтом ходов. Фиолетовая Точка, теряя остатки сил, вползла в пещеру и тут же легла. Но Запятая схватила ее в охапку и потащила в глубь крошки. Там друзья затаились и стали ждать, что будет дальше.

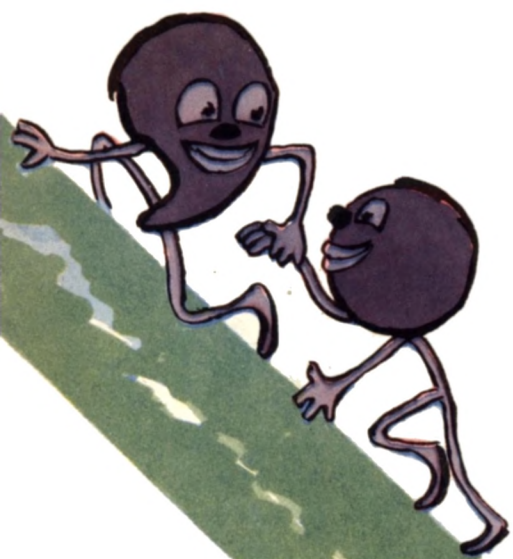
Скоро они услышали шум шагов и голоса. Ясно было, что к хлебной крошке подошли Синие Точки. Шаги затихли, но голоса звучали так же громко; видимо, враги сели здесь передохнуть.

Гулкий бой часов снова повторился. Шесть ударов прозвучали и затихли. Только час оставался у путешественников! Но это же обстоятельство обеспокоило и синих. Благодаря этому Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая слышали очень интересные и вместе с тем печальные для себя новости.

— До семи мы должны привести их к Точке-Кочке, — говорила одна из синих. — Фиолетовую Точку мы сразу присоединим к линии, а у Запятой прежде отломаем хвостик. Представляю, как будет орать эта Запятая... Слева от нас

уже есть засада, мы расположимся правее и по сигналу начнем смыкать кольцо. Путь у Фиолетовой Точки и Фиолетовой Запятой только вперед. Пусть они и бегут туда — они не знают, что там их ждет. Тюря, когда пил чай, пролил его и устроил там море. На берегу моря мы их и схватим.

Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая слушали не дыша. Одно неосторожное движение могло выдать друзей. И если бы не это, Точка давно бы разрыдалась. Но Запятая, как и раньше, была настроена хотя и мрачно, но отважно.

Когда Синие Точки ушли от хлебной крошки, Фиолетовая Запятая обняла Фиолетовую Точку и сказала ей твердым голосом:

— Ну, кажется, кончилось наше путешествие. Идем к морю. Мы лучше утонем в нем, чем сдадимся врагу. В конце концов неважно, попадем мы в чернильницу или нет. Долг мы свой исполнили — нас нет в диктанте, и Тюря еще пожалеет о сделанном.

Скрываясь за бугорками, прижимаясь к клеенке на ровных местах, путешественники спешили навстречу своей смерти. Справа и слева от них то и дело слышались голоса. Но отчаяние теперь только прибавляло энергии.

Близость моря друзья ощутили по свежести, которая шла от воды, но это ничуть не обрадовало их. Синие Точки заметили беглецов и с воплями бросились к ним. За широким водным простором возвышалась чернильница.

— Прощай, храбрая Запятая! — всхлипнула Фиолетовая Точка. — Ты была хорошим товарищем...

— Прощай...

И, конечно, все бы завершилось очень печально, если бы не чайника. Она лежала у самой воды и была совсем сухая. Друзья сразу увидели ее. Не трудно понять, какая радость

охватила их. Они только посмотрели друг на друга, столкнули чайнку в воду и вскочили в нее, как в лодку.

Хорошо, что путешественницы сделали это быстро. Несколько секунд промедления могли все испортить. Как только чайнка отплыла, на берегу появилась целая толпа Синих Точек. Они дрожали от злости, ругались, но не могли уже ничего поделать.

— Эй, вы!.. Фиолетовые! — кричали Синие Точки. — Все равно вам крышка. Через пять минут ваша лодка пропитается водой и вы растворитесь без следа.

Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая сами уже догадались, что их положение мало изменилось. Гибель была неминуемой. Разница вся заключалась в том, что жизнь путешественников продлилась на пять минут.

В это время Тюрин кот возвращался домой с улицы. Он вскарабкался на окно, толкнул головой форточку и спрыгнул на пол. Тотчас возник в комнате сквозняк. Порыв ветра пронесся над морем. Чайнка дрогнула под его ударом и поплыла к другому берегу. Движение ее все убыстрялось.

Синие Точки на берегу взвыли от досады. Зато путешественники ликовали. Фиолетовая Точка, приплясывая, послала врагам воздушный поцелуй, а Фиолетовая Запятая погрозила им кулаком.

Друзья плыли, отдыхая от всех потрясений, и к ним возвращалось хорошее настроение. Сидя в чайнке, они видели свою чернильницу. Их теперь отделяло от нее совсем небольшое расстояние. Свет луны между тем померк. Исчезла и Полярная звезда, верно служившая им всю дорогу. За окнами начинался поздний, сероватый рассвет. От избытка радостных чувств Фиолетовая Точка снова запела свою песню:

Звезды Полярной свет пропал,
И скрылась Луна.
Не страшен нам девятый вал,
Морская глубина.
Была нам дом родной строка,
Но мы ушли к ветрам,
И бескозырка моряка
Была к лицу бы нам.

А между тем дела были не так уж хороши, как это казалось. Когда Точка, позабыв все на свете, пела, Запятая вглядывалась в чернильницу, и холодные мурашки побежали по ее покато́й спине. Что толку во всем их путешествии, в спасении от плена и от гибели в открытом море? Стенки чернильницы были настолько высоки и круты, что забраться по ним вверх было совершенно невы́симо.

Чаинка с разгона врезалась в берег. Точка, как мячик, выпрыгнула из нее.

«Нет, ничего я не скажу ей сейчас, — подумала Запятая, — пусть порадуетса немного. Дойдем до чернильницы. Там она все увидит сама».

Семь раз ударили часы, и путешественники в это время подошли к чернильнице. Фиолетовая Точка, улыбаясь во весь рот, обняла Запятую. Точка хотела сказать ей что-то очень сердечное, теплое — такое, что говорят обычно друзья, пережившие вместе не одну страшную минуту. Но язык вдруг отказался слушаться: Точка, еще не поняв до конца, почувствовала ужас положения. Глаза ее наполнились слезами.

— Да-да, милая Фиолетовая Точка, это очень обидно, погибать у самой цели, — подтвердила ее догадку Запятая. — Но что делать? Давай простимся с чернильницей, обойдем вокруг нее...

Тихо шли вокруг чернильницы Точка и Запятая. Спешить им было некуда. Они равнодушно слушали, как кряхтит вставший с постели Тюря. Вот-вот он должен был подойти к столу и убрать с него тетради и чернильницу. Но в этот момент путешественники увидели такое... Одним концом на столе, а другим на чернильнице лежала ручка. (С моря она не была видна путешественникам.) Не сговариваясь, Фиолетовая Точка и Фиолетовая Запятая бросились к ручке и, хотя она была довольно скользкая, устремились вверх.

Тюря подошел к чернильнице в тот момент, когда Точка и Запятая одна за другой «солдати́ками» бросились с пера в чернила. На месте их падения поднялись крохотные фиолетовые фонтанчики, но Тюря не обратил на них никакого внимания.

...В классе все знали, что Тюря получил за диктант двойку.

Перед началом урока к нему подошел звеньевой и начал его отчитывать, говорить, что Тюря позорит звено.

— Я позорю звено? — вскипел Тюря. — Да я за честь звена, знаешь... Это учительница ошиблась. Двойку-то она мне неправильно поставила. У меня и точка и запятая на месте, а она их не заметила. Вот придет сейчас, я ей покажу. Двойки не будет, тройка у меня верная.

Вошла учительница. Тюря, скромно опустив глаза, понес к ней тетрадь.

— Что? — спросила учительница. — Я не заметила знаков препинания? Не может быть. Давай еще раз посмотрим.

Она поправила седые волосы, надела очки и раскрыла тетрадь.

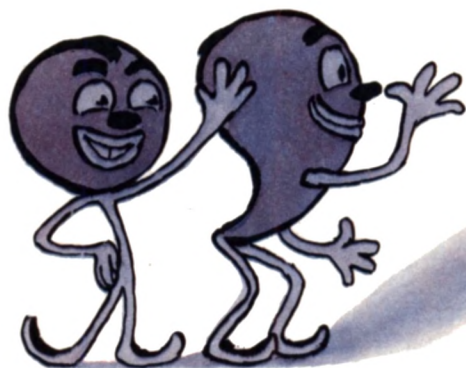
— Ты ошибся, мальчик. Тут нет ни точки, ни запятой.

— Как нет?! Есть!

— Если ты не веришь мне, пусть посмотрят ребята.

Ребята посмотрели и тоже не увидели. Озадаченный Тюря сел за парту, поглядел в диктант и, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Они должны были быть; я хорошо помню, как поставил их рядом с красными вчера вечером.

A large, stylized illustration of a campfire at night. The fire is depicted with a large, glowing orange and yellow flame that rises into a dark blue night sky filled with small, twinkling stars. On the left side, the dark silhouettes of pine trees are visible. In the foreground, several children are shown from the waist up, looking towards the fire. A girl in a white shirt and blue skirt stands prominently, while other boys in scout-like uniforms are visible behind her and in the lower foreground. The overall mood is peaceful and contemplative.

Единственная Спичка

ночь перед костром ребята в лагере долго не засыпали: шепотом повторяли стихи, вспоминали про себя песни.

Каждый старался представить, как вспыхнет, взвоется в черное небо пламя, как полетят к далеким звездам оранжевые искры.

И уж если не шел сон к пионерам, то как могли уснуть другие участники костра, считавшие себя самыми главными в этом событии? За полотняными палатками в сарае не спали Спичечный Коробок, Бензин и Хворост. На другой день к вечеру они должны были превратиться в огонь.

Они разговаривали между собой, и разговор их не был печальным. Обидно гореть дому, который делают для того, чтобы в нем жили, или колесу, которое делают для того, чтобы оно катилось по дороге. А Спички, Бензин и Хворост были созданы, чтобы сгореть. Все трое с нетерпением ждали той минуты, когда придут за ними и отнесут их на костровую поляну.

Бензин, сидевший в жестяном бидоне, считал

себя самым важным и самым нужным для костра. И хотя он понимал, что по-настоящему важную персону не будут сажать в душный и тесный бидон и завертывать плотно крышкой, хвалился, как только мог:

— Главное, чтобы я растекся по Хворосту и начал испаряться. Тут только Спички ближе подноси — так полыхну, так прыгну вверх, во все стороны — одно загляденье!.. Даже может пожарная команда приехать, в касках, с топорами и длинными лестницами. А вы что? Так себе!..

— А я сухой, на вырубке на жаре грелся, — захрустел Хворост, — мог быть и сырым...

Больше Хворост ничего не сказал. Да и что он мог сказать еще? Хворост — самое никудышное дерево, из Хвороста даже Спичек не делают.

Бензин заплескался, забулькал в бидоне, видно снова хотел похвастаться. Но тут в разговор вступил Спичечный Коробок:

— Конечно, Спички очень малы, очень похожи друг на друга. Я даже удивляюсь, почему люди до сих пор вместо «мал как капля», «похожи как две капли» не говорят: «мал как Спичка» или «похожи как две Спички». Но согласитесь, важный Бензин, без Спичек вы ничто. Если вылить вас и не поджечь, вы испаритесь быстрее, чем ненавистная нам всем вода. Никто не может оспаривать — огонь начинается со Спичек.

— Простите, что я вмешиваюсь в разговор, — донеслось вдруг откуда-то сверху, — я хотел бы сказать вам несколько слов.

Это говорил старый солдатский Котелок. Лет пятнадцать в нем уж не варили пищу. Он висел на стене сарая — завхоз лагеря хранил в нем гвозди и другую железную мелочь.

— Будем слушать всяких бездельников! — недовольно забулькал Бензин (ему очень хотелось говорить самому).

Но Хворост и Спичечный Коробок согласились.

— Давно это было, но, как сейчас помню, служил я в пехоте. Оттуда попал в партизанский отряд. Не скажу, чтобы густую кашу варили там во мне. Ложка в такой каше не стояла, а плавала. Но что касается костров, они бока мне так на-

жарили, что до сих пор чешутся. И вот такие-то костры разжигали партизаны одной-единственной Спичкой.

— Продолжение будет? — булькнул Бензин, когда Котелок замолчал. Он был возмущен тем, что про него не было сказано ни слова.

— Какое продолжение хочет услышать важный Бензин? — засмеялся Спичечный Коробок. — Котелок прав, для костра никакого Бензина не нужно.

— Не нужно?! — не своим голосом крикнул Бензин. Он так рассердился, что вышиб пробку и выплеснулся из бидона.

Напрасно Бензин старался снова забраться в бидон. Он только сильнее растекался и бубнил:

— Не будет костра, не будет костра...

Хворост не был злопамятным и переживал беду зазнайки, как свою. Зато Спичечный Коробок так хохотал, что открылся и все Спички, кроме одной, высыпались и потерялись в мусоре. Тут уж и Коробок застонал:

— Да, не будет костра, не будет, не будет...

Но костер в лагере был. Мальчик в красном галстуке, как партизан, поджег хворост одной-единственной спичкой. Правда, маленький огонек долго блуждал по сухим веточкам, мигал затухая. Но потом, на радость пионерам, жаркое пламя рванулось вверх, и заструились искры, обгоняя друг друга, в ночном небе.

Пленник Двоечника Бессмертного

Предисловие

несколько лет назад в редакцию газеты «Пионерская правда» пришли пять необыкновенных человечков. Ростом чуть повыше пенала, они не были похожи ни на одного мальчишку, ни на одну девчонку. Не были они похожи и друг на друга.

— Меня зовут Анютой-Глазкой, — первой заговорила девочка. — Я умею разводить цветы. И на улице, и во дворе, и в комнате...

Анюта-Глазка!.. Она и впрямь была похожа на цветок анютины глазки. Лицо ее обрамляли не волосы, а лепестки, юбка была сшита из зеленых листьев, на ногах — башмаки из нераспустившихся бутонов.

— А я — Антон Девяткин. Бегаю, прыгаю, плаваю. Могу соревнования судить. Фамилия у меня такая потому, что бью только в «девятку» футбольных ворот.

Плечи у Антона были широкие, мускулы на руках так и перекатывались. Чувствовалось, огромный секундомер носить ему с собой совсем не тяжело.

— У меня фамилия и имя одно и то же — Самоделкин. Звание есть — мастер. Сделать или починить любую вещь могу.

Всем и так было понятно, что человечка зовут Самоделкин. Если не считать головы в виде зубчатого колеса, он весь состоял из этого слова.

— Киньлокш, — отрекомендовался четвертый человек. — Чтобы понять, что это значит, прочтите мое имя, как читают китайцы — справа налево. На очки не обращайтесь внимания, зрение у меня хорошее. Это — «всевиды», вроде подозрительной трубы. А это, — Киньлокш показал предмет, похожий на зонтик, — вертолет. Сейчас он сложен. Его подарили мне ученики одной московской школы.

Башмаки у меня тоже странные, великоваты немного. Зато волшебные, их сшил тот же сапожник, который шил сказочные семиверстные сапоги. С помощью вертолета да этих башмаков я за одни сутки могу побывать и в Архангельске, и в Баку, и во Владивостоке.

Пятый (может быть, мы зря называли его человечком — он больше был похож на зайца) смущенно прятался за спины товарищей.

— Зайка Зайцев, — ответил за пятого Девяткин. — Не робей, Зайка, тебя тоже возьмут. Мы все решили стать корреспондентами газеты, — объяснил Антон, — а Зайка у нас неудачливый очень, но он хороший. А неудачи? О них тоже полезно знать ребятам.

То, что Зайка такой неудачник, смутило работников редакции, но нельзя же было взять корреспондентами четверых и не брать пятого! Так Анюта-Глазка, Антон Девяткин, мастер Самоделкин, Киньлокш и Зайка Зайцев стали работать в газете.

Шли недели, месяцы. Почтальоны по вторникам и пятни-

цам приносили читателям новые номера «Пионерской правды». И в каждом из них ребята встречались с кем-нибудь из маленьких корреспондентов. Антон Девяткин рассказывал о победе наших спортсменов над командой непобедимых до этого американцев. Анюта-Глазка советовала, как заставить цветы расти на асфальте. Самоделкин учил юных мастеров точить инструмент без бруска и делать из старых капроновых чулок кассеты для фотоаппарата. Киньлокш не давал покоя тем, кто плохо учится. Одного лентяя Киньлокш высмеял так, что лентяю со всех сторон стали приходить доплатные письма, и он со слезами просил через газету у всех прощенья.

Но однажды случилась беда. Киньлокш не вернулся с задания. Было потрачено много сил на розыски его, но это не принесло никаких результатов. И уже самые терпеливые смирились с мыслью, что Киньлокш погуб, когда было получено такое известие:

«Дорогая редакция! Очень спешу сообщить вам большую радость: Киньлокш жив! Расскажу все по порядку. Как-то в голубятню не вернулся мой голубь. Я решила, что его схватил ястреб. Ведь прошло целых десять дней, а голубя все не было. Но вот голубь прилетел. А на его лапке была записка. Записку эту посылаю вместе с письмом. Моя голубятня на Песчаной улице. Голубь из этого района никогда далеко не улетал. Люда Моргунова».

В записке было следующее:

«Дорогой неизвестный друг! Меня зовут Киньлокш. Я в плену у человека, который имеет очень много двоек. Его адрес...»

Было ясно: Киньлокш в опасности. Но почему он не написал адреса?

Найти Киньлокша и освободить его было поручено мастеру Самоделкину, Антону Девяткину и Анюте-Глазке.

Сборы в дорогу

— Итак, друзья, первый совет группы по спасению Киньлокша считаю открытым, — сказал Антон Девяткин. — Прежде чем мы начнем поиски нашего друга, я предлагаю дать клятву, что мы или погибнем, или найдем его.

— Клянусь боксерскими перчатками... — прозвенел голос Девяткина.

— Клянусь зелеными листьями деревьев... — взволнованно проговорила Анюта.

— Клянусь точным ударом молотка... — это, конечно, сказал Самоделкин.

— Клянемся, что мы или погибнем, или выручим товарища!

После клятвы разгорячившийся Антон хотел было сразу отправиться в путь, но Анюта благоразумно удержала его.

— Не спеши, Антон, надо все вначале обдумать. Мы знаем, что Киньлокш у какого-то плохого ученика. А кто он? Можно, конечно, обойти все школы в районе Песчаной улицы и выписать из журналов фамилии двоечников. Но этого тайно не сделаешь. А если злодей, поймавший Киньлокша, узнает, что мы ищем его, он сразу же начнет замечать следы. Искать двоечника надо незаметно. А вот как это сделать — я не знаю... Это первое, а второе вот что. Не сочтите меня трусихой, но ведь и так может получиться: мы все окажемся в таком же положении, как Киньлокш. Надо что-то придумать на случай, если двоечник захочет и нас взять в плен.

— Анюта хоть и девчонка, а говорит правильно, — поддержал Самоделкин. — Я предлагаю вот что: дайте мне часов пять сроку, и я сделаю кое-какие приспособления. Они пригодятся нам.

...Это очень трудно: если товарищу грозит опасность, казаться спокойным. Антон Девяткин места себе не находил, пока Самоделкин, запершись в мастерской, сооружал что-то. Анюта-Глазка, волнуясь, измяла руками свою юбку из листьев.

Такое поведение друзей, конечно, заинтересовало Зайку Зайцева, которого все решили не брать с собой. Чего доброго, неудачник мог все дело испортить!

Зайка вначале приставал с расспросами, а потом так обиделся, что решил, если ему не скажут, уйти в лес. Пришлось Зайцеву рассказать все, а рассказав, согласиться с тем, что и он пойдет на поиски.

Электрические рубашки

Ровно через пять часов Самоделкин позвал всех в мастерскую. Вскинув весело свою зубчатую голову, он предложил:

— А ну-ка, примерьте!.. — И показал рукой на пружины с фарфоровыми ободками внутри. — Это защитные электрические рубашки, — объяснил он. — С помощью фарфоровых воротников и фарфоровых поясов они держатся на человеке. В момент опасности надо нажать кнопку в кармане, и по спирали от аккумулятора помчится электрический ток. Каждый, решивший притронуться к тому, кто одет в такую рубашку, получит крепкий удар. Владелец же рубашки в полной безопасности — его защищают фарфоровые изоляторы... А вот и второе мое изобретение.

На столе лежало кольцо с длинной рукояткой. В середине кольца чуть подрагивала стрелка. На рукоятке сверкал никелированный звонок.

— Вот как действует этот прибор, — сказал Самоделкин и на минуту задумался. Потом подмигнул Анюте и обратился к Зайке Зайцеву: — Ответь-ка, Зайка, сколько будет шестью восемь?

— Шестьдесят восемь, — ответил, не подумав, Зайка.

В то же мгновение звонок оглушительно зазвонил, а стрелка повернулась в сторону Зайки.

— Понятно! — закричали Антон и Анюта. — Это искатель двоечников.

Зайка хотел обидеться снова, но сдержался. «Чего доброго, еще не возьмут с собой», — решил он.

Зайка отстал

Анюта, Антон, Самоделкин и Зайка вышли из редакции. За спиной у каждого был вещевой мешок, в котором лежали спиральные электрические рубашки. С помощью Антона все быстро забрались в троллейбус. Все, кроме Зайцева, — он засмотрелся на мороженое. Троллейбус уехал без него.

— Ничего, — успокаивала друзей Анюта-Глазка. — Нашу остановку он знает и прыгает не хуже своих лесных братьев, в троллейбус сам заберется.

Действительно, из следующего троллейбуса выпрыгнул Зайка Зайцев, и друзья, готовые простить ему оплошность, уже решили идти. Но Зайка появился не один, следом за ним шел контролер. Оказывается, Зайцев не купил билета. Хорошо, у Самоделкина были лишние деньги. Он уплатил штраф и погрозил Зайцеву кулаком.

Всю дорогу Зайка шел, опустив голову, и бубнил:

— Неправильно он меня оштрафовал. Я же заяц! А ездить зайцем — значит ездить без билета.

Неужели повезло?

Друзья вошли во двор большого многоэтажного дома и включили искатель двоечников. План у них был простой: как это ни тяжело, пройти всю улицу из конца в конец и все дома проверить. Около третьего по счету подъезда неожиданно зазвонил звонок.

— Неужели здесь томится Киньлокш? — вырвалось у всех. — Неужели сразу повезло?

Прыгая со ступеньки на ступеньку, помогая друг другу, Антон, Аня, Зайка и Самоделкин прислушивались к тону звонка. На третьем этаже звон достиг предела. Значит, здесь...

Самоделкин постучал, и дверь открылась. На пороге стояла рассерженная девочка. Одна косица у нее торчала вверх, другая — вперед, так что лента находилась чуть правее и ниже носа. Кофточка была застегнута не на те пуговицы.

— Что вам надо? — спросила она. — Разве вы не видите, что человек повторяет домашние задания?!

Она подняла голову вверх, уставилась сузившимися глазами в потолок, шмыгнула носом и забормотала скороговоркой:

— Решить уравнение — значит найти те значения неизвестного, при которых обе части уравнения равны одному и тому же числу. Так мы говорим о силе тяги лошади... тяги лошади, понимая под этим степень напряжения, которое испытывают мускулы лошади, когда лошадь тянет телегу...

Неизвестно, сколько она проговорила бы так, но Антон Девяткин решительно остановил ее:

— Простите, нам надо выяснить один вопрос. Не у вас ли находится сейчас Киньлокш?

— У меня?.. Киньлокш?.. Я была так рада, когда он исчез из газеты. Я его терпеть не могла. Девочек и мальчиков, которые учат уроки, как я, он называл зубрилами. Значит, Киньлокш пропал? Вот хорошо-то! Так ему и надо...

— Советуем перестать зубрить, — закрывая дверь, ответил ей Самоделкин, — двоек меньше будет.

— А откуда вы знаете, что у меня двойки? — удивилась девочка.

— Мы все знаем! — хвастливо крикнул Зайка и сразу прыгнул через семь ступенек.

На репетиции подлизы

Обследование еще четырех домов прошло быстро. Звонок зазвонил в пятом доме на первом этаже. Друзья не успели постучать, как их уже приглашал

в комнату мальчик. Кончики его розовых губ вдруг приблизились к ушам: такую радостную улыбку изобразил он. Тело согнулось в услужливом поклоне. Мальчик очень долго оставался в согнутом положении, и Анюта подумала: «Не стукнул ли его паралич?» Но мальчик быстро выпрямился и, будто бы песню запел, заговорил:

— Ах, как я рад, что вы навестили меня! Как я рад! Я знаю о ваших славных делах. Не будете ли вы любезны сделать мне замечания. Я сейчас готовился репетировать свой разговор с учителем. Послушайте, пожалуйста.

Не дожидаясь согласия, мальчик начал:

— Ах, Егор Иванович! Какая нынче чудесная погода! Вовка, дай сюда тетради, я сам понесу их. Ты не сумеешь нести так, как нужно Егору Ивановичу.

— Ладно, пусть извивается, — проговорил Самоделкин, — Киньлокша у него, конечно, нет. Пошли, ребята!..

У ябедника

— Ага, знаю, насчет Кольки Яблокова пришли!.. — такими словами встретил их третий школьник. — И правильно, давно за него взяться пора. Или вот Петька из пятого подъезда... Люська с Риткой хороши тоже. А по Женьке карикатура так и плачет. Да у нас все одинаковые. Начинайте с любого — не ошибетесь.

Мальчик пригладил ладонями редкие волосики на голове, обмакнул ручку в чернила.

— Знаете что? Я вам сейчас всех их перепишу...

— Переписывать не надо, — махнула рукой Анюта, — у нас Киньлокш пропал. У кого бы он мог быть, не знаете?

— Киньлокш у кого? Сейчас подумаю... Колька Яблоков вполне мог поймать его. Или вот Петька из пятого подъезда. Люська с Риткой хороши тоже. Да у нас все одинаковые. Начинайте с любого — не ошибетесь!..

— Ты что же это на друзей наговариваешь? —

не выдержал Зайцев. — Возьмем да тебя за двойки рисуем!

— Меня? — испугался ябедник. — Не надо меня! Я вам лучше еще человек десять назову...

Нет, аппарат в исправности

Четвертый мальчик открыл дверь, не глядя на тех, кто вошел в нее, бросился в кресло и начал рыдать.

— Ты чего плачешь, обидел кто? Скажи, поможем, — участливо спросили его друзья (у плаксы, ясно, не могло быть Киньлокша).

— Как вы мне поможете? Мне уже никто не поможет... Я... я... получил вчера четверку-у-у...

— Так чего же ты реवेशь? От радости, что ли? Это неплохо: вместо двойки четверку.

— Как вместо двойки? — встрепнулся плакавший. — Вместо пятерки... Я... я... круглый отличник был...

По распухшему красному носу, по толстым щечкам бывшего круглого отличника ручьями потекли слезы.

— Подвел на этот раз искатель двоечников, испортился, может быть, — предположил Антон Девяткин, когда вышли во двор.

— Да нет, все в порядке, — поморщился мастер Самоделкин, — просто такой отличник не лучше двоечника.

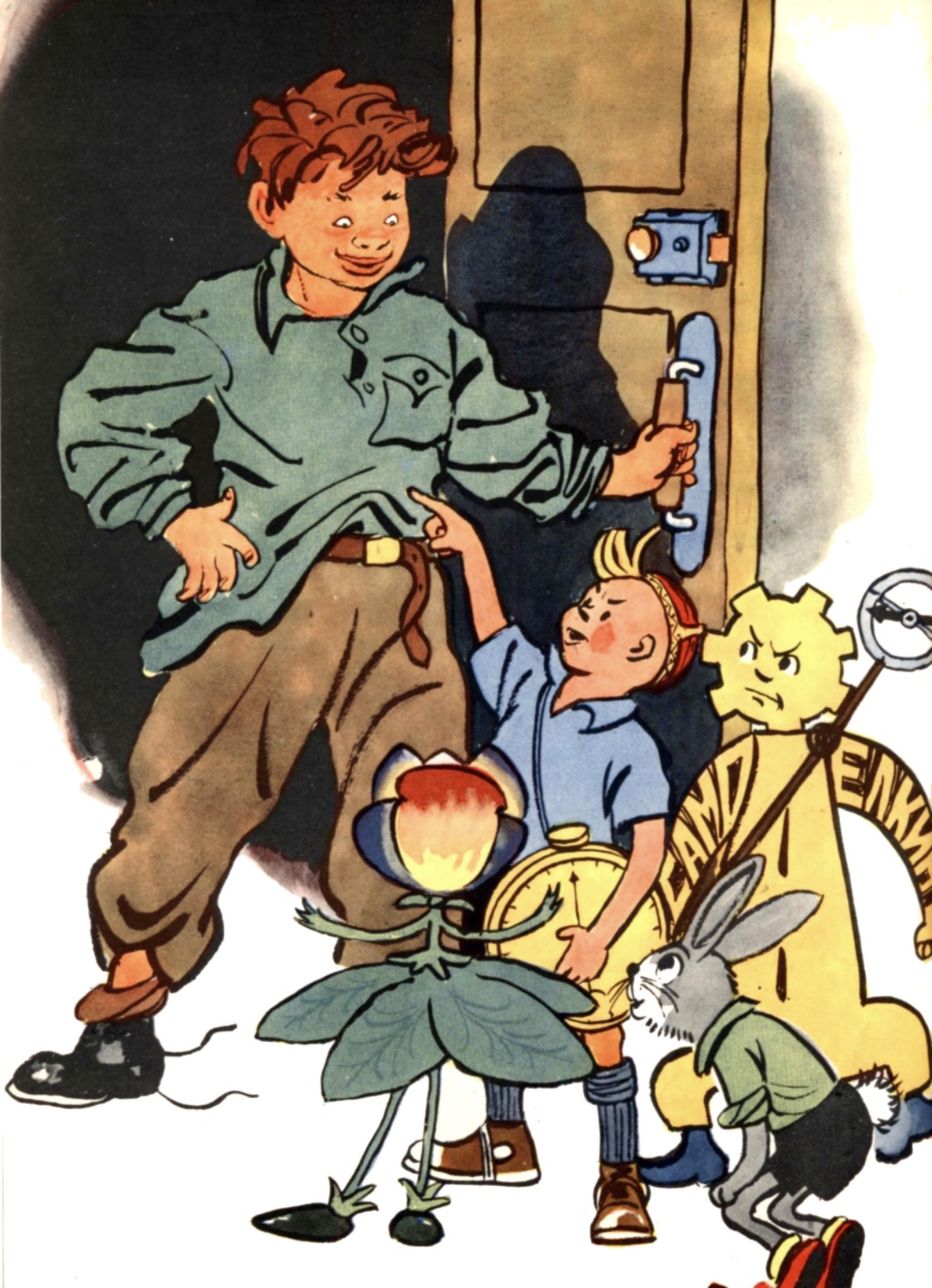
Встреча с Двоечником

Антон, Зайка, Анюта и Самоделкин начали обходить дома по другой стороне улицы. Прибор действительно был исправен. Сигнал не заставил ждать себя.

Самоделкин поднял руку, чтобы постучать в дверь, но так и застыл в этой позе.

— Отпусти меня, — просил кто-то жалобным голосом, — мне пора манную кашу есть.

— Молчать! Продолжаем занятия, — слышалось в ответ, — натирай подошвы колбасой, да получше. Натер? Теперь прячься... Котофей, искать! Искать!..

Друзья не успели предположить, что происходит, как дверь тихо раскрылась, и на лестничную площадку, крадучись, вышел мальчик лет пяти. Почувствовав близкое спасение, он помчался вниз по лестнице.

— Ну-ка, Зайка, догони его, узнай, в чем дело, — распорядился Девяткин.

Зайка вернулся скоро. Оказалось, что здесь живет второгодник по прозвищу Двоечник Бессмертный. Пообещав показать кота-ищейку, он зазвал к себе этого малыша. Кот по имени Котофей отказывался выполнять собачью работу — ходить по следу, и Двоечник решил тренировать его, натирая башмаки жертвы колбасой. Однако кот, вместо того чтобы мчаться по вкусным следам, с визгом кидался на карман хозяина, где лежала колбаса. Перед этим Двоечник три дня морил Котофея голодом.

Зайка закончил сообщение, и в это время в дверях появился сам Двоечник Бессмертный. На его толстом, будто бы заспанном, лице поблескивали маленькие злые глазки. Волосы на голове клоками топорщились в разные стороны, словно им противно было лежать вместе. Один край рубашки вылез из-под пояса; ботинки на ногах Двоечника не были зашнурованы, и длинные шнурки тянулись по полу, как вожжи.

— Вы кто такие? — проговорил он удивленно. — А, узнаю вас, заходите, заходите...

Как только друзья перешагнули порог, Двоечник повернул ключ в замке и ехидно хихикнул:

— Вас-то мне и не хватало! Попались, голубчики...

Первое условие

— Не хорохорься, — предупредил его Самоделкин. — Киньлокш у тебя?

— У меня. И не только Киньлокш, все вы у меня теперь.

— Рано обрадовался! — твердо сказала Анюта-Глазка. В это время Двоечник хотел было сгрести друзей в охапку. Но они успели соединить карманные аккумуляторы со своими электрическими рубашками. Взыв, Двоечник Бессмертный отпрыгнул в угол к вешалке.

Не успел он прийти в себя, как в дверь постучали:

— Ну-ка, безобразник, открывай! Стекла во втором подъезде расколотил. Все тебе прощали. На этот раз ответить придется.

Двоечник узнал по голосу дворника и затаился в своем углу.

Дворник, чувствуя, что ему не откроют, посетовал на теперешние порядки, когда озорников, как в старину, не дерут розгами, и погрозился прийти снова, когда дома будет мать.

Как только на лестнице затихли шаги, Двоечник с опаской подошел к друзьям и примирительно заговорил:

— Крепенько вы меня шарахнули. Вы как рыба с электрическим хвостом. Небось ты, Самоделкин, придумал? Ну, ладно. Я ведь только сделал вид, что хочу вас поймать. Киньлокш у меня, но без выкупа не отдам его. Слыхали, как дворник ругался?.. То-то... Вот ты, Самоделкин, устрой, чтобы мать не ругала меня, вставь стекла... Вставишь — Киньлокш ваш.

— Что ж, ребята, принимаем условие? — спросил Самоделкин.

— Я думаю, надо принять, — ответил Девяткин. — Для нас сейчас самое важное — скорее встретиться с Киньлокшем.

Анюта тоже была согласна, только Зайцев пробурчал тихо:

— Условие!.. Я бы подключился сейчас к нему и тряс бы его током до вечера. А то — условие...

Завтра — бой на ринге

Не так уж сложно вставить стекла, особенно если за работу взялся Самоделкин. Через четверть часа мастер окончил ее и вернулся к Двоечнику Бессмертному.

— Нет, я, пожалуй, продешевил, — сказал тот, — за одни стекла Киньлокша не отдам. Я у соседей фикус сломал. Они мне прохода теперь не дают. Вот если Анюта-Глазка уладит это дело, тогда что ж... Тогда все в порядке.

Анюта-Глазка выполнила второе условие — вылечила фикус. А Двоечник придумал третье.

— Мне надо узнать, какой ты боксер, Девяткин, — сказал он со смешком. — Побьешь меня — Киньлокш ваш, не побьешь — не видать вам Киньлокша. А теперь уходите поскорее, я буду афишу писать, завтра в 12 дня пусть все ребята двора посмотрят наш бой.

Друзья молча спускались по лестнице. В Самоделкине ярость так и кипела.

— Знаешь, Антон, — сказала Анюта, — кончай бой в первом раунде нокаутом. Прав был Зайка, с такими людьми по хорошему не получится.

Самоделкин, Девяткин, Анюта-Глазка и Зайка решили не возвращаться на ночь в редакцию. Чего доброго, Двоечник Бессмертный улизнет из дому. Они заняли наблюдательный пост в толстой водопроводной трубе, лежавшей у подъезда. По очереди все несли дежурство. Даже Девяткин, которому предстоял бой, не захотел уступить своей вахты. Несмотря на то, что ночь была очень холодной, друзьям было тепло. Самоделкин быстро переделал электрические рубашки в электронагреватели.

Хитрость

Болельщики, извещенные афишами о предстоящем бое, в середине двора утоптали на снегу площадку. И, хотя не было канатов, она вполне подходила для схватки боксеров. Двоечника Бессмертного во дворе знали хорошо, редкое безобразие проходило без его участия. А сколько слез пролили обиженные им малыши! Да что малыши! Ребята постарше и те боялись увесистых кулаков задиры. Как-то справится с ним Антон Девяткин, этот маленький спортсмен?..

Антон и его друзей зрители встретили аплодисментами. Двоечник вышел на ринг при полном молчании. Вид у него был

гордый, и никто, конечно, не догадывался, что его охватил отчаянный страх. «Наверняка Девяткин побьет меня. И это на глазах у всех ребят двора. Они же перестанут бояться меня», — думал Двоечник и лихорадочно старался найти выход из положения.

Судья, выбранный из ребят, приготовился дать сигнал к началу. Но только он поднял руку, поднялась другая рука — в перчатке.

— Стойте! Бой отменяется, — повелительно произнес Двоечник Бессмертный. — Я честный человек и не хочу драться с Девяткиным. Это запрещается правилами: мы в разных весовых категориях. Так-то, — добавил он, обращаясь к Девяткину, — придется вам вернуться без Киньлокша!..

Живой шпаргалкой? Нет!

Киньлокш с усилием повернулся на другой бок, пошевелил затекшей рукой и (уже в который раз!) стал вспоминать.

все печальные события, которые произошли с ним, прежде чем он оказался в старом ранце.

Возвращаясь с задания в редакцию, Киньлокш услышал от проходивших мимо ребят о Двоечнике Бессмертном и решил побывать в его краях. Горючее в вертолете кончилось. Поэтому он как следует оттолкнулся от тротуара своим семи-верстным башмаком и опустился через мгновение... в середину лужи во дворе. Солнышко светило вовсю, ботинки было жалко, и Киньлокш решил просушить их на ветерке. Киньлокш до сих пор не мог простить себе своей оплошности: он загляделся на голубое небо, на птиц, кружившихся в нем, а в это время сзади подкрался Двоечник Бессмертный. Одной рукой он схватил башмаки, другой — Киньлокша.

Так началась жизнь в плену.

Много дней прошло с тех пор, и почти каждый день ленивый Двоечник уговаривал его — с лаской, с угрозами — сделаться живой шпаргалкой.

— Мне лень учиться, — говорил он, — а отметки хорошие нужны. Давай уговоримся так: ты дашь честное киньлокше-

ское слово, что до конца учебного года будешь подсказывать мне на уроках (я тебя буду сажать в ранец), а дома будешь делать за меня все задания. Потом я тебя отпущу на все четыре стороны.

Киньлокш отказывался от всех предложений, стойко переносил угрозы. «Может быть, будет случай, — думал он, — выберусь на свободу». Случай такой после долгого и, казалось, безнадежного ожидания представился. Двоечник Бессмертный поймал чужого голубя. Когда в квартире никого не было, Киньлокш написал записку, привязал ее к лапке голубя и стал открывать форточку. В это время в комнату вбежал Двоечник. Сразу поняв, что происходит, он бросился к окну, но голубь успел взлететь, и в руках Двоечника остался только обрывок записки.

— Ага, голубя выпустил, а сам думал смыться! — закричал Двоечник, увидев на обрывке свой адрес. — Ну, ладно, это тебе даром не пройдет!..

Двоечник схватил Киньлокша и втиснул его в попавшийся под руку ранец.

На счете шесть

Отказ Двоечника от боя с Девяткиным ошеломил друзей. Они ждали всего, только не этого. Но Двоечник торжествовал победу рано. Из круга зрителей протискивался к рингу паренек одинакового с ним роста.

— Я заменю Девяткина, — сказал он спокойно, — помогите, ребята, надеть перчатки.

— Ты?! — удивился Двоечник Бессмертный. — Да я ж тебя на той неделе гонял по двору... Еще захотелось?..

Бой начался. Двоечник сразу ринулся на противника. Однако тот ловко ушел от удара.

— Трусись! — выкрикнул Двоечник и снова попытался сильно ударить.

Не тут-то было! Соперник сделал вид, что хочет отскочить в сторону, и стукнул Двоечника в подбородок по всем правилам бокса. Двоечник зашатался и упал.

— Раз, два, три... — считал судья.

На счете шесть Двоечник вскочил и, к удивлению всех, метнулся в сторону от ринга, пытаясь прорваться сквозь круг зрителей.

— Мама, мама-а-а, спаси!.. — орал он на весь двор.

А зрители еще теснее придвинулись друг к другу.

— Отдай Киньлокша! Киньлокша отдай! — несло из их рядов.

— Возьмите, пожа-алуйста, нужен он мне-е-е, — ревел Двоечник Бессмертный и размазывал слезы по лицу.

* * *

Нет надобности описывать, какой была встреча Киньлокша с друзьями. Пока они обнимались, кто-то из ребят заправил бензином вертолет. Самоделкин из кусков проволоки сделал лесенку и привязал ее к вертолету. Разместившись на ней, Киньлокш, Анюта-Глазка, Антон Девяткин, мастер Самоделкин и Зайка Зайцев медленно поднялись в голубое небо.

— До свидания! — кричали им со двора ребята. — До свидания! Не беспокойтесь, мы теперь сами возьмемся за ленивого Двоечника. Мы его заставим учиться!..

Без друзей

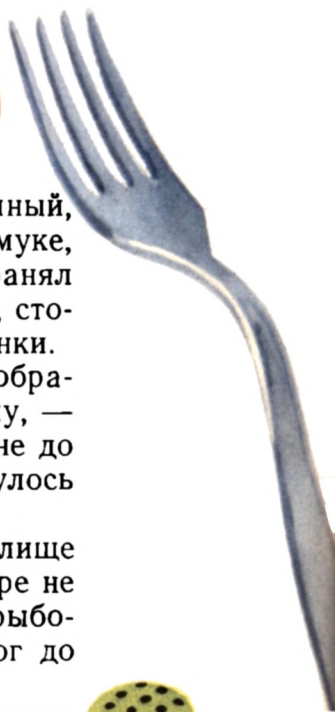
кухне на плите жарился огромный, жирный лещ. Обвалянный в муке, он порозовел весь и распространял очень вкусный запах. Удилище, стоявшее на улице, даже начало глотать слюнки.

— Вот что, друзья, — сказала оно, обращаясь к Леске, Поплавку, Крючку и Грузилу, — рыбу поймало я. Я ее и съем. Вы видите, мне до сих пор не удалось выпрямиться: так я согнулось на ловле.

Зачем были сказаны эти слова, Удилище само не знало. Ведь ни одно Удилище в мире не ест рыбы. Пищей им служит лак, которым рыболовы время от времени смазывают их с ног до головы.

— Разве рыбу поймало Удилище? — возмущенно прозвенела Леска. — Я чуть не лопнула, когда попался этот лещ!

Леске тоже рыба была не нужна. Но ее обидел тон Удилища.

— А я еще бы немного — и сломался, — крикнул Крючок, — рыба моя!

— Всем известно, что для жизни мне нужен... воздух... Я не какой-нибудь Крючок, которому... все равно, где быть: в воде... или в воздухе, — заговорил, останавливаясь, Поплавок (от полноты он страдал одышкой). — Вы не считали, сколько минут... я пробыл под водой, когда... клюнул этот... проклятый лещ?..

— Выходит, вы все ловили, а я бездельничало?! — рассердилось свинцовое Грузило. — Мне вся рыба не нужна, но ребрышки обсосу с удовольствием. Без меня не видать бы вам удачи. Это я поймало рыбу.

Старые друзья так рассорились, так раскричались, что не захотели быть вместе ни минуты. Леска развязала свои узелки, и все решили тут же отправиться на реку, где каждый мог бы доказать справедливость своих слов.

Торопясь, шли они по знакомой рыболовной тропе: впереди вышагивало длинное Удилище, за ним — Крючок, катились Грузило и Леска, свернувшаяся колесиком; позади, пыхтя и отдуваясь, ковылял Поплавок. Во ржи, как всегда, свистели перепела, по голубому небу мимо сверкающего солнца плыли белые облака, цветы пахли медом. Но на этот раз никто не замечал красоты природы...

У реки Удилище сразу воткнулось в берег и стало, чуть покачиваясь, глядеть в воду. Леска, Поплавок, Крючок и Грузило немедленно прыгнули на средину омута. Леску и Поплавок тут же подхватило течение и понесло вниз по реке. А Крючок и Грузило сразу утонули.

Увидев это, Удилище растерялось. «Как печально все кончилось!.. — думало оно, оставшись в одиночестве. — А ведь как было хорошо нам всем вместе».

Если вам случится быть на реке, вы, возможно, увидите это Удилище. Синие стрекозы садятся отдыхать на него. Без своих друзей оно больше ни на что не годится.

Складной ножичек

овка с отцом путешествовали по Волге. Перед тем как отправиться в путешествие, отец купил себе ружье, а Вовке — складной ножичек. Ездили отец с сыном вдоль берегов и островов. Как увидят хороший лес, вытащат лодку на песок и идут в самую чащобу. Из ружья они ни в кого не стреляли, а только собирали грибы да ягоды. И случилось как-то, что Вовка свой ножичек потерял. Совсем далеко уплыли путешественники, и уж немало дней с тех пор прошло, а Вовка все вспоминал ножичек, представлял, как лежит он в траве, где никто его не видит.

Но Вовка напрасно думал, что никто не видит ножичка. На рассвете, когда все, кроме солнышка, спит, да и солнышко-то еще из-за края земли не поднялось, почему-то вдруг проснулась тоненькая осинка. Оглянулась она на спящие сосны, на куст

можжевельника, похожий на огромного зеленого ежика, и тела снова задремать. Да заметила прямо под собой ножичек; его острое, блестящее лезвие было открыто. Страшно стало осинке: таким острым лезвием с одного раза можно было перерезать ее тонкий, как прутик, ствол. Задрожала она от страха, затрепетали листья на ней.

Известно, когда шумят листья — это деревья разговаривают. Первым услышал осинку клен. Не понял он спросонок, о чем шепчет она, потрянул сердито своими похожими на огромные звезды листьями, заругался, что спать не дают. А когда узнал, в чем дело, зашумел так, что разбудил вековую сосну на опушке. Та качнула тяжелыми ветками, и пошел разговор по всему лесу. Только в самой дремучей чаще молчали деревья: там стоял дуб — самый старый и самый крепкий во всем лесу. На нем зрели желуди, из которых должны были вырасти потом сыновья дуба. Ему нельзя было волноваться, чтобы желуди раньше времени не упали на землю.

Но тут над землей солнышко поднялось, и дуб сам проснулся. Услышал он, как все вокруг говорят, что ножик хотел осинку под корень срезать, и приказал, чтобы виновного к нему немедленно на суд доставили.

Ножичек, конечно, не хотел перерезать осинку. Да так бывает не только у деревьев, но и у людей: если сами своими глазами не видели, обязательно напридумают то, чего не было.

Деревья ходить не могут: уж очень глубоко корни у них. И, чтобы исполнить приказание дуба, стали они из ветки в ветку передавать ножичек. Занялись этим деревья, которым не то что складной ножичек, топор не страшен.

Скоро очутился ножичек под дубом, лежит, не шевелится.

— А ну-ка, отвечай! — загремел дуб. — Зачем ты пытался осинку загубить? Что и кому она плохого сделала?

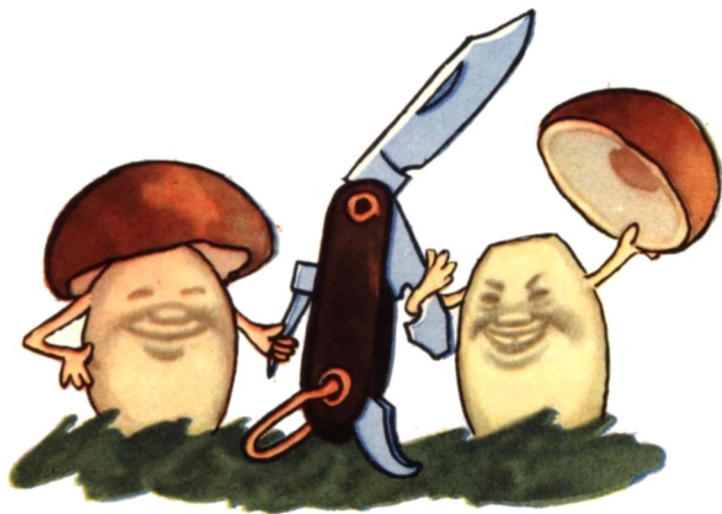
Думал ножичек сказать, что сам он без хозяина ничего не мог бы срезать, даже если бы захотел, но промолчал. Показалось ножичку нечестным сваливать вину на другого, тем более, что Вовка и от пыли его чистил и точил часто на камне.

— Ах, так, ты не хочешь отвечать, — рассердился дуб. — Бросьте его, деревья, в болото. Пусть он там в ржавчину превратится!

И опять из ветки в ветку стали деревья передавать ножичек, тащить его к болоту. Так и погиб бы складной ножичек, да хорошо, на пути семья подберезовиков встретила.

— Стойте! — закричали они. — Этот ножичек хороший. Он деревьев не губил, он грибы под самый корешок резал, по всем правилам. Если бы не он, то нас на свете не было бы. Мы это точно знаем. Мы сами на том месте выросли, где старый гриб не сорван был, а срезан.

Остановились деревья, стали совета у дуба спрашивать. Тут дуб подобрел и сказал, чтобы отнесли складной ножичек на лесную дорогу, по которой грибники с корзинами ходят. Может, кто найдет его там.

Волшебная корзинка

том году, когда случилась эта история, было очень грибное лето. Ночи стояли теплые, тихие, а днем то светило солнышко, то из маленьких тучек падали на землю прозрачные дожди. Во время таких дождей в небе вставали радуги, иногда по две, а то и по три сразу.

С самого утра в поселке не оставалось ни одного мальчишки, ни одной девчонки — все, как только светало, уходили в лес по грибы. Возвращались домой к завтраку, а после завтрака нанизывали на прочные нитки коричневые шляпы боровиков и развешивали их сушиться на заборах.

На каждом заборе висели связки грибов, не было их только там, где жила длинноногая девчонка Зинка. Зинка тоже ходила за грибами, но ничего, кроме сыроежек, не нахо-

дила в лесу. «И что я за такая несчастная девчонка», — думала Зинка и часто, прыгая на своих длинных ногах через пни и кочки, принималась плакать. Да и как было не плакать, если мальчишки прозвали ее не просто так, а за дело «Зинкой — пустой корзинкой».

Так и осталась бы Зинкина семья без грибов на зиму, если бы...

А случилось вот что. Как-то Зинка сказала себе: «Сегодня последний раз иду по грибы. Дойду до самого конца леса; и уж если весь лес пройду, а белых не наберу, значит, все грибы против меня, и больше ходить мне нечего. Лучше буду грибы подружкам на связки надевать — за три гриба с каждой связки».

Чуть свет встала Зинка, взяла свое ведерко и бегом к лесу пустилась. Идет по лесу, до конца дойти торопится. И чем дальше идет, тем грустнее становится ей — в ведерке пять сыроежек на дне катаются, шляпка да ножка от подосиновика: шляпку Зинка башмаком сбила, не заметила сразу. Вот уж лес посветлел — кончается, значит, скоро. Вышла Зинка на опушку, подошла к ручейку, села на бережок и давай плакать и сыроежки в воду кидать.

Вдруг, смотрит, идет по берегу дед старый — голова лысая, борода широкая, глаза веселые. Несет дед в каждой руке по здоровенному пучку тальниковых прутьев и через каждые три шага кряхтит. Дошел до Зинки, остановился, прутья на луг бросил и спрашивает ее:

— Ты что, красная девица, плачешь, иль воды в ручье прибавить хочешь, а может, горе какое у тебя?

— Горе у меня, — отвечает ему Зинка, — вот весь лес прошла, а грибов опять не нашла.

— Так, — говорит дед, — чую я, что грибы прячутся от тебя. Ну да ладно, помоги мне прутья нести, а я тебе за это волшебную корзинку дам. Она тебя около каждого гриба останавливать будет.

Обрадовалась Зинка, потащила дедовы прутья. Скоро остановились они у шалаша. Шалаш самый обыкновенный — сеном покрыт. На траве стоит крынка с молоком, хлеб лежит, в полотенце завернутый. А чуть поодаль — целая гора кор-

зинок: и больших, и маленьких, и продолговатых, и круглых.

— Ух, сколько корзинок, — прошептала Зинка, — они все волшебные?

— Нет, — ответил дед, — эти корзинки самые обыкновенные, для колхоза плету их. А вот эта, — тут дед поднял с земли самую большую да неуклюжую, — эта волшебная. Бери ее и иди; пока до дома дойдешь, полна будет.

Взяла Зинка корзинку, ведро в нее положила — и бегом к лесу. Не терпится ей грибов набрать, корзинку волшебную испытать. Только хотела она с опушки в кусты прыгнуть, корзинка за сучок зацепилась. Зинка рванула посильней — не тут-то было, крепко сучок держит.

— Ну и подарок, ну и волшебная, — рассердилась Зинка, — с такой корзинкой измучаешься, каждый раз отцеплять ее надо.

Подумала она, что дед посмеялся над ней, и опять заплакать хотела, но сдержалась, стала корзинку от сучка освобождать. Схватила Зинка за сучок, смотрит — под сучком гриб белый, крепкий, толстенький. Подобрала его, а рядом второй, третий увидела. Пошла дальше. Несколько шагов сделала, корзинка опять зацепилась. И опять Зинка, как стала ее отцеплять, под веткой два белых нашла.

Поверила она, что корзинка волшебная, и закричала на весь лес «спасибо» деду. Шла Зинка через лес, а корзинка ее то и дело останавливала. Как зацепится, так девчонка вокруг искать начинает. Не везде, правда, гриб находился, но Зинка считала, что и волшебная корзинка иногда ошибаться может.

Первый раз пришла Зинка домой с грибами, еле дотащила их.

Сейчас и на Зинкином заборе висят связки белых грибов.

Где пряталась сказка

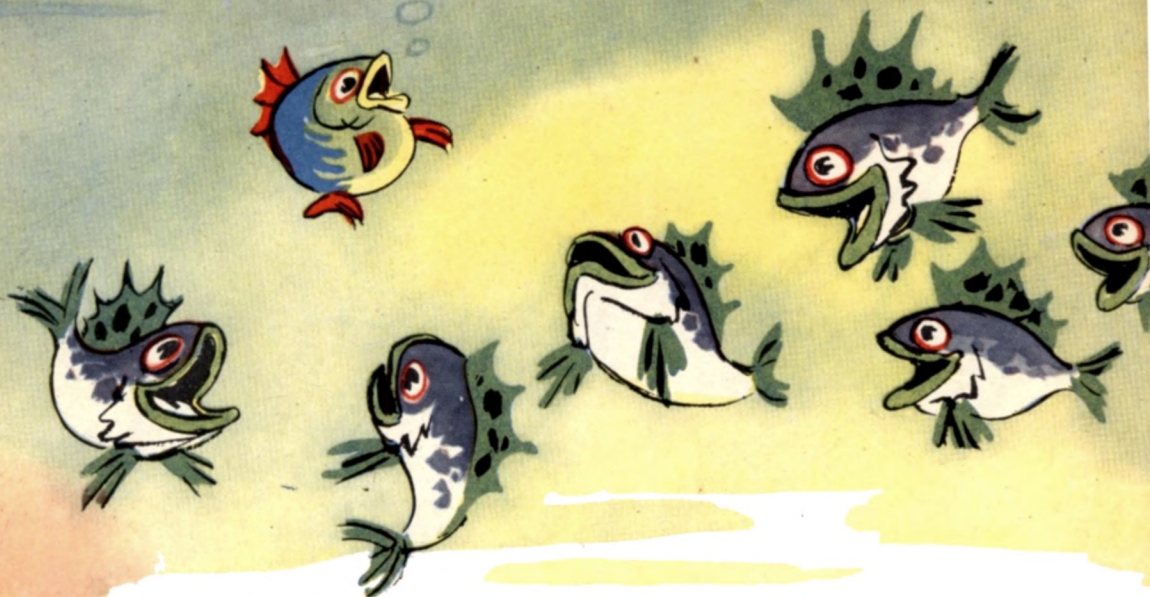
Как-то девочка Оля спросила своего дядю: «А где прячутся сказки? Их так много, и все находятся новые и новые. Вот бы уметь находить сказки!..»

— Сказки не всегда прячутся, — отвечал ей дядя. — Иногда они лежат даже на дороге, по которой ходят люди. Только их никто не замечает, как часто не видят хороших грибов. Стоит себе крепкий боровичок на самом солнцепеке, в мох не прячется, листиком не закрывается, а его никто не видит. Сказки, как грибы, надо уметь искать.

— А как бы мне сказку найти! Около нас нет сейчас сказки? — снова спросила Оля.

— Не знаю, давай поищем хотя бы вокруг себя.

Дядя наклонился, заглянул под скамеечку, на которой они сидели, открыл и осмотрел внимательно портсигар, снял с Оли туфлю, потряс ее калоши. Сказка пока не находилась. Тут под руку дяде попал Олин рисунок. На рисунке было осеннее дерево. Оно росло на краю речного обрыва и роняло красные листья в синюю воду.

— Должно быть, очень глубокая вода, — сказал дядя, — раз она такая синяя. Интересно, есть кто-нибудь в ней? На берегу-то никого нет. Если бы кто-нибудь был, так мы сразу заметили бы.

Когда мелко, на дне реки все камешки нетрудно пересчитать. Другое дело, когда глубоко. Надо очень внимательно всматриваться. Так дядя с племянницей и стали смотреть в воду, на которой красными лодочками плавали опавшие листья.

— Тебе не кажется, что на дне, около кустика водорослей, мелькнула зеленоватая тень? — спросил дядя Олю.

— Нет, не кажется... — ответила девочка.

— А ты приглядиись получше, я тебе помогу рассмотреть, что сам увижу. Тень мелькнула, но сразу исчезла. Давай пождем немного.

Как хорошо они сделали, что стали ждать! Тень появилась снова. Это был маленький окунишка. Теперь его и Оля увидела. Со дна он чуть поднялся вверх, и можно было разглядеть пять темно-синих полос на его зеленом боку, розовые плавнички около жабр, золотистые озорные глаза. Что ему надо у этих невкусных водорослей? Ага! Ясно. Он прячется от родителей — двух больших рыб с черными спинами, которые озабоченно проплыли вдали.

— Тут что-то должно произойти, — сказал Оле дядя. — Как ты думаешь, будет ли даром озорник прятаться от родителей?

— Нет, не будет...

К окунишке подплыли такие же, как и он, рыбешки и усталились на него. Какие у них глупые-преглупые рыбы лица! А окунишка? Он начал пить воду. Пьет и пьет. «Понятно, — зашептала Оля, — он поспорил с приятелями, что выпьет много воды, может быть половину речки».

Хвастовство до добра не доводит. Окунишка не выпил и половины чайного стакана, а уже превратился в маленькую тыквочку — зеленую, полосатую и круглую. Нет, рыбы такими не бывают. Даже рыбешкам-зрителям страшно стало. Они бросились врассыпную и исчезли моментально.

Что же делать окунишке? Хвалиться? Перед кем? Да и как хвалиться, если он плыть не может: шевелит хвостом, качает плавниками — и ни с места.

Ой-ой! Из-за черного камня выскочила щука. До чего ж велика она! До чего же широка пасть ее! Уже в зубах у щуки окунишка.

— Все пропало, — огорчилась Оля, — и окунишка пропала, и сказка кончилась...

Но нет, оказывается, не все. Замерла на месте щука. Под белым брюхом плавники не движутся. Только полукруглые костяшки жабр то приподнимутся, то опустятся, да зеленые глаза в тревоге во все стороны смотрят. Сейчас окунишку проглотит.

— Как жалко мне рыбку, — сказала Оля и посмотрела на дядю.

— Ты в реку, в реку смотри, — ответил ей дядя. — Ведь выпустила она его, выплюнула. Правильно сделала! Не чай пить хотела, — обедать. А какой обед из окунишки, до краев водой полного?

И снова стали Оля с дядей смотреть в синюю воду под деревом с красными листьями.

Окунишка перетрусил, забился в водоросли и давай пыжиться — хочет воду выплюнуть. А как ее выплюнешь, если кругом вода? Плохо окунишке. Но вот он родителей своих увидел. Обрадовался.

Большие окуни знали уже, что щука в этих местах охотилась, и очень волновались за сына, искали его. Махнул им

плавником окунишка, да только окуни посмотрели на него одним глазом и дальше поспешили — знали они, что сын у них не такой круглый урод.

Совсем горько окунишке стало. А тут на его беду стая ершей появилась. Мелкие ерши, колючие и очень уж озорные. Увидали они окунишку и решили футбол затеять. Из ракушек ворота сделали, на две партии разделились и давай окунишку вместо мячика гонять.

— Так даже настоящий мячик лопнет, правда, дядя? — пожалела Оля еще раз рыбешку.

— Да, видно, это и случится...

Но случилось, к удовольствию дяди и племянницы, другое. Один ерш, самый сильный, так окунишку наподдал, что вылетел тот из реки. Пока окунишка в воздухе был, вылилась из него вода. Упал он в реку обычной рыбой и, что было сил, домой пустился.

Дядя с Олей долго в нарисованную речку смотрели, но больше так ничего и не увидели. Сказка, которая на этот раз пряталась в рисунке, кончилась.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка о военной трубе	3
Гордый кораблик	10
Майские шарики	18
Триста копеечек	27
Старая гильза	34
Дубовый посошок	41
Леха и Тимоха	47
Будильник и кот	53
Гололедица-уродица	65
Приключения Точки и Запятой	72
Единственная Спичка	84
Пленник Двоечника Бессмертного	87
Без друзей	104
Складной ножичек	106
Волшебная корзинка	109
Где пряталась сказка	114

Митяев Анатолий Васильевич
ГДЕ ПРЯТАЛАСЬ СКАЗКА

Редактор *А. Алексеева*
Худож. редактор *В. Плешко*
Техн. редактор *А. Ковалев*

А 08878 Подп. к печати 9/XII 1959 г.
Бумага 70×92¹/₁₆ Печ. л. 7,5(8,8).
Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 165 000 экз. Цена 6 р. 90 к.
Заказ 1922
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-55, Сушевская, 21.

Larisa_F

